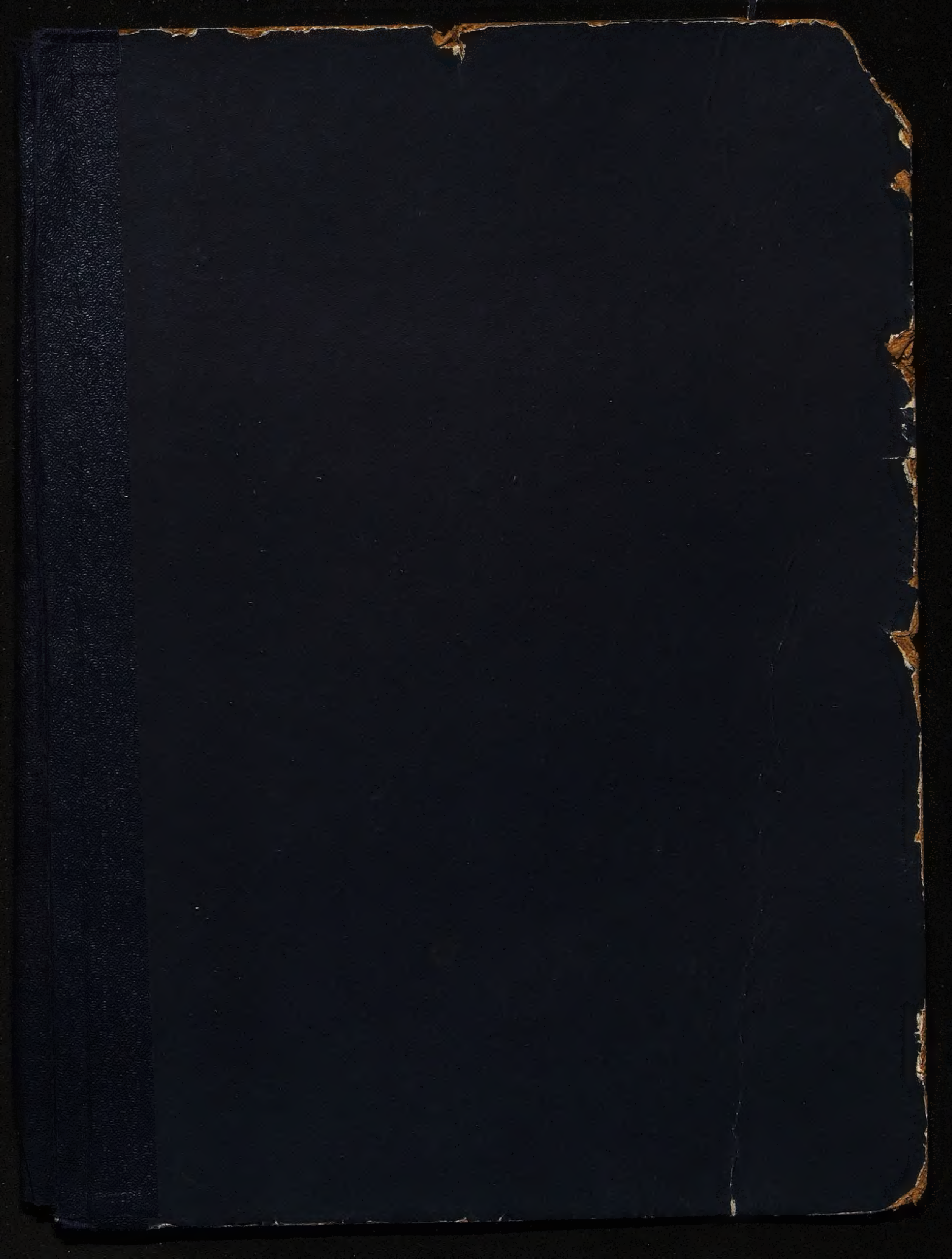
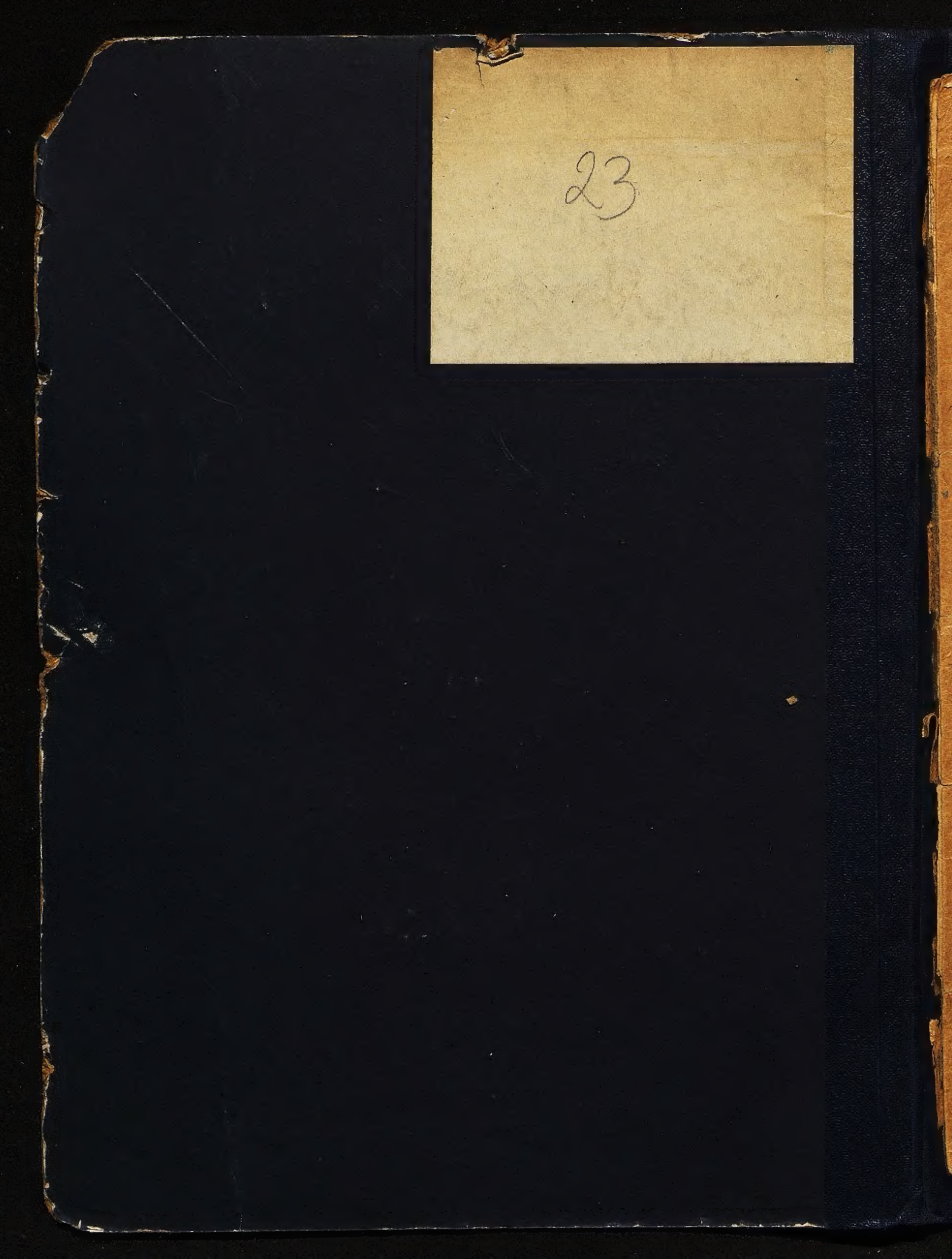



23

МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РКП (б)
(ИСТПАРТОТДЕЛ)
КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ 20-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
1905 ГОДА

И. КОКУШКИН

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Первая революция 1905 г. в Серпухове

Начало и развитие организации Р. С. Д. Р. П.

Стр.

II. Вторая революция 1917 г. в Серпухове

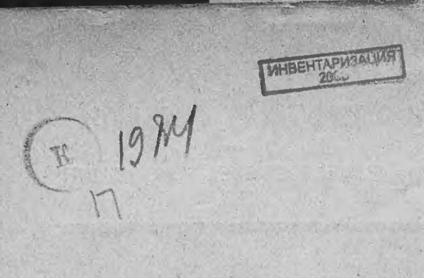
МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ РКП (б)
(ИСТПАРТОТДЕЛ)
КОМИССИЯ ПО ПРОВЕДЕНИЮ 20-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РЕВОЛЮЦИИ
1905 ГОДА

И. КОКУШКИН

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД



МОСКВА
Типография „Заготхоза“ Милиции
Республики. Курсовой, 19
Главлит 44013 Тираж 4000

ОТ АВТОРА

Предлагаемые читателям статьи о двух революциях в г. Серпухове мною были написаны исключительно по памяти. После этого я получил документы из материалов МГЖУ по 1905 году, и мои воспоминания о революции пятого года в некоторых местах расходились с указанными материалами, а именно: первый арест части районного Комитета был в ночь с 23 на 24 сентября, мне же казалось с 20 на 21 сент.; второе—аресты на митингах я помнил один раз, оказалось, их было два, и третье—о кружке интеллигенции—я, как не участник, состава его не знал и восстановил по тем же материалам. Таким образом, статья „Первая революция“ была мною согласована с материалом МГЖУ, в секретных донесениях которого есть некоторые ошибки. Статья „Вторая революция“ написана исключительно по воспоминаниям и лишь выписки из резолюций были взяты из газеты „Соц.-Дем.“ за 1917 г. Приложенный материал—две сохранившиеся прокламации, получены от Истпарта МК.

И. Кокушкин

ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1905 ГОД В СЕРПУХОВЕ

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП

I. Организация кружка самообразования из рабочих

В 1900 году мне, тогда семнадцатилетнему „комсомольцу“, удалось через моего родственника, такого же „комсомольца“, Смоленкова Ивана, учившегося со мной вместе в ремесленном училище при ф-ке Коншина, более близко познакомиться с тов. Мишиным Алексеем (кличка впоследствии—„Том“) и Корняковым Михаилом (кличка впоследствии „Варнава“). Они трое проживали в рабочей казарме, называемой „аул“, а я жил недалеко от них, в другой рабочей казарме, называемой „Шибаевскими спальнями“. Сближение наше произошло на платформе, если можно так выразиться, чтения журналов и на беседах по прочитанному. Сначала эти чтения и беседы были не регулярны, от случая моего прихода в гости до другого случая, и еще недостаточно нас связывали. Затем с каждым месяцем посещения становились все более и более регулярными, а беседы начали переходить в активные споры и уже достаточно нас связывали, развивали потребность высказываться друг перед другом. Журналы читались разные, применительно к степени развития каждого. Так—Мишин и Корняков читали „Мир Божий“ и „Русское Богатство“, я и Смоленков более легкие—„Журнал для всех“. Кроме этого уделялось нами много внимания Толстому, Горькому, Скитальцу, некоторые их вещи даже заучивали наизусть. Журналы читали по очереди, меняясь ими между собой. Помню, что главную руководящую роль в выборе и указании необходимых для прочтения статей и вопросах о прочитанном играл тов.

Мишин. Статьи, на которые больше всего обращали внимание, особенно в 1903 году, были марксистского направления, по социальному строению общества, о направлении в науке и искусстве, например, много спорили о декадентстве и реализме в искусстве, читали статьи по биологии, по рабочему движению. Помню, мы рассуждали о зубатовщине, о подавлении забастовки в 1903 году на ситце-набивной фабрике „Верхний двор".

К 1903 году нас уже было человек семь-восемь и наметилось было два течения. Одно из них—меньшее, возглавляемое Корняковым, шло по линии антирелигиозной пропаганды, которое со стороны самого Корнякова доходило до больших курьезов, за что его считали сумасшедшим; большинство же товарищей, во главе с Мишиным, стремилось к политической организационной борьбе.

2. Начало построения партийной организации

В 1904 году вокруг каждого из нас начинает организовываться по маленькой группе из трех-четырех человек, политически еще не вполне определившихся, заинтересовавшихся нашим освещением текущих вопросов. Так—вокруг меня с ф-ки „Новой Мызы" группировались Кожевников, Хренов, Прозоров, Слепков, Савельев Мих., и из нового выпуска Ремесленной школы—Казаков Иван, Огольцов Афанасий. Вокруг тов. Шеварова—Тимофеев Иван Егоров, Ванюшин, Ноздрачев, Чернов, Брагин.

Начало 1904 года ознаменовалось русско-японской войной. Это событие у нас прошло уже не бесследно. Мы были противниками войны. Это случилось как-то само-собой, по логике наших рассуждений, и мы тогда уже желали поражения царю, хотя настроение всего народа было довольно патриотическое. Самый факт войны на нас подействовал так, что мы стали читать газеты регулярно, под руководством Корнякова, и стали все газетные сведения толковать по своему, т.-е. почти в противоположном газетам освещении. Разговоры о войне в нашем освещении постепенно на фабриках создавали вокруг нас сочувствующих слушателей. Затем убийство министра Плеве в июле 1904 года также заста-

вило нас подумать—правилен ли этот метод борьбы. Помню восторги т. Корнякова по этому поводу и слова: „Это хорошо, значит живы еще наши, действуют". На что Мишин увесисто отвечал: „Много ты этим не достигнешь, начнутся аресты, повыберут в тюрьмы, это не наш путь, надо всех рабочих поднять, вот это будет хорошо". В конце 1904 года т. Мишину удалось связаться со Шляховым, сыном фабриканта, и через него с Тульской организацией РСДРП.

Наша группа и подгруппы к этому времени уже начали политически мыслить, и понемногу разбираться в партиях и их задачах. Самая большая и сильная к началу 5-го года была группа на фабрике Новая Мыза, слившаяся из двух групп во главе со мною и Шеваровым Глебом. Новые события, как расстрел питерских рабочих—9 января 1905 года,—создало из нас окончательных и бесповоротных врагов царя, министров и буржуазии. Этот же факт стал для нас хорошим и удобным орудием для пропаганды среди рабочих против царя и правительства и дал нам возможность говорить о царе на фабрике, чего до этого делать невозможно было. Особенно по этому поводу неистовствовал Корняков, говоря: „Угостил батюшка-царь, в другой раз не захочешь такой каши". Убийство генерал-губернатора Сергея Александровича Романова также дало почву для агитации. Рабочие стали выражать недовольство и прежде всего направили его против фабриканта, пред'явив требования о выдаче премии. К празднику Пасхи во главе этого движения стал т. Шеваров с некоторыми сочувствовавшими нам рабочими. Однако же, это движение успеха не имело.

Это первое наступление на фабриканта в 1905 году не было делом рук еще неокрепшей нашей организации, но наша пропаганда имела большое влияние в этом движении. К марту 1905 года у нас случайно появился один номер „Искры", который дал мне Мишин, таинственно вызвав меня для получения его на соборную гору [1]). Тут же был и Корняков. Прочитав этот номер, я все-таки не все понял, понял только главную мысль, что есть организация, которая ведет борьбу с самодержавием, с капиталистами и она же зани-

[1]) Эта гора посреди города с развалившейся крепостью.

мается организацией рабочих, указывает им путь, как нужно вести борьбу и за что. Особенно на меня произвели большое впечатление корреспонденции из разных крупных промышленных городов о рабочем движении—забастовках, о насили и капиталистов и правительства над рабочими, чего в легальных газетах и журналах не было. Это невольно толкало на мысли, что уже много рабочих борется, и нам нужно не отставать. Эту газету каждый из нас дал близкому другу прочитать, и я дал Кожевникову, Слепкову, Хренову и еще некоторым товарищам, а затем, так же таинственно, как и получил, возвратил обратно.

3. Кружок интеллигенции

На ряду с кружком рабочих существовал кружок из окончивших гимназистов, сохранивших связь между собою к 1905 году. В этом кружке были: Овсянников Н. Н., Калугин П. Е., Мясников, Бурдуков, Занозин, Триденцов. Кроме них, были еще социал-демократы из служащей интеллигенции: зубной врач Энтина, учитель городского училища Ежов И. И., бухгалтер Муравьевской ф-ки Еремин, коллежский регистратор Хованский, Сумин, Муралов Анастасий Иванович и Шляхов. Из материалов охранного отделения за 1905 год видно, что главным связующим звеном перечисленной интеллигенции были Энтина и Калугин, связанный как с Энтиной, так и с фельдшером Суминым. Последний был связан с Бурдуковым, Занозиным и Триденцовым. У Сумина бывали собрания интеллигенции в типографии Никифорова. Шляхов к этому времени был связан и с Калугиным и с Энтиной, а затем связался с Мишиным, а через Мишина и с нашим рабочим кружком. Таким образом, существовавшие до сих пор кружки-группки и среди рабочих и среди интеллигенции к марту 1905 г. связались между собою, но совместно еще не работали, и только с мая м-ца началась совместная работа. Кружок интеллигенции по марксистскому развитию стоял выше рабочего и впоследствии из них вышли пропагандисты, которые вели работу среди рабочих.

4. Оформление партийной организации, присоединение ее к Московскому Окружному Комитету через т. Никодима (Шестакова)

У нас, новомызенских рабочих, появилась настоятельная потребность иметь человека, который растолковал бы нам о партии, и я просил Мишина добыть такового. В середине марта 1905 года Мишин организует кружок, куда входят Лапшин, Корняков, Кожевников, Шеваров, Тимофеев—Иван Егоров, где Шляхов читает нам лекцию, а вернее не лекцию, а ведет беседу об Учредительном Собрании, по книжке Дана „Что такое Учредительное Собрание“, и о программе РСДРП. Таких бесед мы провели со Шляховым три.

С этого же времени мы и начинаем получать кое-какие листки, нелегальные книжечки и несколько экземпляров программы партии РСДРП. Начали создаваться небольшие полулегальные библиотечки из книжек издания „Донская Речь“, „Молот“ и другие. Среди этих книг была и беллетристика социального содержания, например, романы—„Крестьянин“, „Спартак“, рассказы Чирикова, Короленко и др. и книги по истории французской и германской революций, „Эрфуртская программа“ Каутского, „Женщина и социализм“ Бебеля, „Экономические очерки“ Баха и др. У меня лично была одна из более полных библиотек первого района для фабрик: Новая Мыза, Новенькая, Третьяковская, Игнатовская и Ильинская.

Через Шляхова мы были связаны с Тульской организацией. Группа наша численно увеличилась и на первомайском митинге собралось уже человек 30—40.

7—8 мая было вновь устроено собрание, где были не только рабочие, но и кружок интеллигенции, существовавший до этого времени самостоятельно. Тут же присутствовал т. Никодим и на этом же собрании оформилась наша Серпуховская организация и была присоединена к Московской Окружной Организации. Был создан районный комитет, куда вошли:—Ежов, Еремин, Энтина и из рабочих—Мишин с ф-ки Старый двор и Лапшин (он же Беляев) с ф-ки Новенькая. Тут же были даны задания каждому втянуть по два-три товарища в кружковую работу путем индивидуальной обработки. С этой же недели начались

занятия в кружках, которых на первых порах было организовано два. В один входили товарищи с ф-к Новая Мыза, Новенькая и Третьяковская—я, Ванюшин, Хренов, Шеваров, Ноздрачев, Лысенков, Кожевников, Мышляев, Моисей—ткач, фамилии не помню, Беляев, дед с Третьяковской ф-ки; второй должен был быть с остальных ф-к, но он как-то первоначально не удавался, и товарищи из города, в том числе Мишин и Корняков, вошли в наш кружок. За это время были изданы листки, отпечатанные на мимеографе, (нужно думать, тов. Суминым, которого я не знал, но только слышал о нем), с заголовками „—К рабочим лесопильного завода Шибаева“ и „К рабочим ф-ки Мараева“, авторами которых по моему были Овсянников и Еремин.

5. Приезд организатора от Московской Окружной Организации Якова Васильевича (Богородицкий), подготовка забастовки и организация боевой группы

В первых числах июня месяца приехал к нам от Московской Окружной Организации организатор Яков Васильевич, и работа ожила. Начали устраивать массовки в лесу. Стали чаще собирать активных товарищей, которых к этому времени насчитывали человек 40, и налаживать их на более боевую ногу, вести с ними беседы о вооруженной борьбе и забастовке, а в июле месяце Яков Васильевич привез оружие—10 штук револьверов системы „Браунинг“, которые сам и роздал более активным—Мишину, Лапшину, мне, Ванюшину, Тимофееву И. Е., Прозорову, Шеварову, Хренову, Кожевникову, Чернову (эти револьверы давались за деньги по десять рублей каждый, в рассрочку, при чем первый взнос пять рублей), кроме этого дан был револьвер системы „Бульдог“ т. Косичкину. Это было основное начальное ядро будущей боевой дружины. С июля до декабря обучал нас стрельбе приезжавший из Москвы инструктор т. Терентий.

В декабре месяце дружина наша еще увеличилась и людьми и оружием. Кружков уже стало три, из них два—при ф-ках Новая Мыза, Новенькая, Третьяковская и Игнатовская, и один при городских фабриках. Наш первый кружок уже прошел курс политграмоты, мы уже знали

теоретическую обосновку нашей программы максимум и минимум. В кратких чертах прошли политэкономию Богданова, тогда нелегальную; читали ее группою человека в 3—4 и каждый раз после прочтения прятали куда-нибудь подальше. Мы уже представляли себе классовую борьбу, как движущую силу истории, точно представляли себе роль буржуазии и пролетариата в производстве и капиталистическом обществе. Наши теоретические познания продвинулись вперед.

В июле была устроена полулегальная первая лекция в квартире доктора Залоги, читал Рожков на тему: „Аграрный вопрос, 8-ми часовой рабочий день и страхование рабочих".

До сентября месяца организационного влияния со стороны районного комитета, выбранного в мае, чувствовалось мало, более заметную роль в этом отношении играло собрание организаторов с фабрик. Задачей нашей организации было следующее: подготовлять забастовки, в связи с этим организовать стачечные комитеты по фабрикам, втянуть в них побольше членов, подготовить на каждой фабрике местные требования, исходя из нашей программы минимум и конечной целью забастовки ставить задачу вооруженного восстания. Вместе с этим организовать массовки-митинги. Литературу мы уже стали получать регулярно и распространение ее наладилось.

Из нелегальной литературы от Московской Окружной Организации мы получили в июне и июле месяце следующее: „Программа-минимум", „Экономика и политика", „Крестьяне, к вам наше слово", „О стачке в Иваново-Вознесенске" и один номер журнала „Вперед"; издали через Московскую Окружную Организацию листовку „Ко всем рабочим и работницам г. Серпухова" [1] с призывом к стачке. Особой популярностью среди рабочей молодежи пользовался листок о царском манифесте 17 февраля, изданный Московским Комитетом РСДРП, популярен он был тем, что слишком просто описывал милости, которые царь обе-

---

[1]) Смотри приложение № 1.

щает рабочим этим манифестом. Стиль же изложения этого листка настолько привлекателен, что многие заучивали его наизусть, в виду этого я и приведу его полностью[1]).

О царском манифесте 18 февраля

В виду поступивших в Комитет от товарищей заявлений о полной непонятности последнего царского манифеста, написанного на тарабарском языке, Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии считает своим долгом перевести текст манифеста на обыкновенный русский язык. Вот этот манифест в вольном переводе:

„Милостью пушек, пулеметов, ружей и нагаек мы, Николай последний, убийца и насильник всероссийский, палач польский, клятвопреступник финляндский, пр. и пр. преступления совершивший, об'являем всем нашим маловерным подданным.

Ради барышей наших родичей для пользы богатых банкиров и ради спасения шатающегося престола нашего от разрушительного действия мятежного рабочего движения, затеяли мы бессмысленную войну, которая погубила сотни тысяч наших подданных. Чтобы горечь и боль пролитой в Маньчжурии крови не вовсе уже растерзала наше любящее сердце, сочли мы за благо расстрелять в Питере, Варшаве, Риге, Лодзи, Ревеле, Баку и многих других городах дорогого отечества еще несколько тысяч безоружных подданных и уравновесить бойню внешнюю бойней внутренней.

В настоящее время, так как распространение революционного движения на все слои народа грозит вовсе уничтожить нас и присных наших, мы порешили подкупить, подпоить верных нам хулиганов, шпионов и полицейских, чтобы они, собравшись вокруг трона, направо и налево раздавали тумаки другим, не столь верным нашим подданным и произвели травлею инородцев смятение в рядах борцов за свободу.

С этой целью организовали мы побоище в Баку, Казани, Пскове и Курске. Засим, в полной уверенности, что скоро

---

1) Смотри „Вперед“ № 17 за 1905 год. (И. К.).

придет конец державе нашей, решили перед последним часом усилить жандармерию, умножить тюрьмы, воздвигнуть эшафоты и привести в боевую готовность пушки и пулеметы. Манифест 12-го декабря, содержащий легкомысленную критику нашего управления и мнимое обещание реформы, сим отменяется.

Твердым упованием на воспитательное влияние картечи, пушек, нагаек и тюрем, мы попрежнему благосклонны к нашим подданным и сулим чиновникам—произвол и казнокрадство, революционерам — виселицы, рабочим—свинец, либералам—шиш, хулиганам и шпионам—серебряные монеты и казенную водку.

Дан 18 февраля 1905 года, накануне ожидавшегося либералами созыва Земского Собора, среди тревог и волнений смутного времени, в последние месяцы нашего несчастного царствования".

На самом манифесте за самодержца по его неграмотности расписался Трепов.

С подлинным верно: Московский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Заучившие этот манифест наизусть рабочие практиковали читать его в те моменты, когда кучки рабочих собирались у какого-нибудь правительственного приказа, вывешенного на стене.

К этому же времени вокруг нашей активной группы было уже достаточно широкое кольцо сочувствующих рабочих, особенно на фабрике Новая Мыза. В середине августа по заданиям районного собрания организаторов (тоже районного комитета) мы собрали нашу группу, ячейку, как теперь мы называем, партийных товарищей с фабрик— Новая Мыза, Третьяковская и Новенькая. На этом собрании мы избрали нелегальный стачечный комитет для ф-к Новая и Третьяковской совместно, куда вошли товарищи—Шеваров, я, Тимофеев И. Е., Лысенков, Ванюшин и двое с Третьяковской фабрики, фамилии которых не помню. Для руководства стачкой фабрики Новенькая избрали Лапшина-Беляева. Утвердили представителей в районный комитет— Шеварова для работы на Третьяковской ф-ке, Лапшина на Новенькой и меня на Новой Мызе. Распределили членов нашей ячейки для работы по отделам—Ванюшин, Прозоров,

Шеваров и Тимофеев для ткацкого и сновального отделения, Хренов в механическом отд., меня и Лысенкова на прядильно-приготовительном отделении и Карпов Ив. Дан. выделен был для установления связи с Игнатовской фабрикой. Установили членский взнос в стачечный фонд—один процент с заработка (заработок наш был в это время от 20 коп. до 1 руб. 25 коп. в день). Кассиром стачечного комитета и партийной группы утвердили Тимофеева И. Е. Всем товарищам, работавшим по отделам, было предложено подготовить необходимые требования для пред'явления во время забастовки.

Вся эта организация была очень похожа на нелегальный профессиональный союз. Легальных профсоюзов, как теперь, у нас тогда не было, и вообще мы о них знали только теоретически из бесед на кружках при изучении нашей программы и из книжек наших полулегальных библиотек. Практически он у нас вылился в форму стачечного комитета. Эта организация на наших трех фабриках захватила человек 200—250. Более активные из них вносили членские взносы и посещали наши митинги-массовки и отчасти кружки, а пассивные только платили членские взносы. Последних было больше. (Получал и копил деньги тов. Тимофеев, который вместо денег выдавал чеки от талонных книжек).

Нельзя не отметить, что влияние нашей ново-мызенской группы на рабочих укреплялось и тем, что наша группа по своей профессиональной подготовке была довольно квалифицированной, так как в ней были хорошие ткачи, слесаря, прядильщики и потому авторитет этой группы среди рабочих поддерживался не только нашими политическими познаниями, но не в меньшей степени и тем, что рабочие почти каждого из нас знали как хорошего работника производства. Нас не нужно было просить десять раз, чтобы исправить машину или ткацкий станок и каждый из нас готов был помочь в работе менее опытному товарищу и научить его. У нас были товарищеские профессиональные взаимоотношения с рабочими на производстве. Это был плюс, усиливающий наше партийное влияние.

В начале сентября устроено было собрание районного стачечного комитета, где были вынесены общие требова-

ния для всего Серпухова, при чем они содержали все требования, выработанные на местах и требования из нашей программы минимум. В августе и начале сентября были выпущены еще два листка, отпечатанные, как видно, при содействии Московск. Окружного Комитета: „К рабочим фабрики Хутарева“, и с призывом к забастовке листок, начинавшийся словами „Тяжело жить рабочим под гнетом правительства и фабрикантов“.

За точность заголовка не ручаюсь, но начало помню. Таким образом, к сентябрю месяцу почти вся работа к проведению забастовки была подготовлена.

6. Облава митингов полицией и аресты на них

Крупные митинги—массовки, начиная с июня месяца, стали происходить регулярно и за три месяца—июнь, июль, август—их было много. Полиция впервые узнала об этих массовках в конце августа, и первое донесение жандармского подполковника Познанского было от 31 августа о том, что в ночь с 25 на 26-е и с 28 на 29-е августа в Городском бору собирались митинги, человек 210.

Я привожу выдержки из этого донесения за № 1465 от 31 августа 1905 года: „Подведомственный мне вахмистр Королев донес, что по полученным им сведениям в ночь с 25 на 26-е и с 28 на 29-е августа в Городском бору, близ фабрики Новая Мыза Т-ва Коншина собиралась толпа в 210 человек, на собраниях этих решено было устроить беспорядки на названной выше фабрике 30-го сего августа, но если беспорядки почему-либо не могли состояться в назначенный день, то устроить около 10 сентября с.г.[1]).

В виду предполагавшихся беспорядков со стороны исправника было сделано распоряжение явиться казакам в 11 часов вечера 29 сего августа на упомянутую фабрику и т. д...“

На этих массовках выступал несколько раз Яков Васильевич, два раза выступал Клюев, он же „Антихрист“. Две

---

1) Из материалов Охранного Отд.: Донесения пом. нач. Моск. Губ. Жанд. Упр. в Серпухове и Подольск. у.у. № 1465 от 31 августа 1905 г.

таких массовки прошли неблагополучно—полиция и казаки сделали облаву и дело кончилось арестами.

Первая из таких массовок происходила 1 сентября в лесу, недалеко от Коншинского гулянья, по направлению к Городскому бору, здесь были пойманы 6 человек: Вильцев В. И. — слесарь с Новой Мызы, Титов М. А. — ткач оттуда же, Гришин Ф. И., Юдин Е. Д. — слесарь, Голубев С. А. и мелкий торговец Алексеев Тр. А. У Юдина и Титова нашли 13 штук прокламаций, при чем у Титова Моисея был револьвер, который он уберег от ареста тем, что прорвал карман у летнего пальто, опустил револьвер к подолу и во время обыска перекидывал его с одного бока пальто на другой, поднимая при этом незаметно полу пальто. На другой день, 2 сентября, после допроса их освободили.

По этому поводу тот же жандармский подполковник Познанский за № 1495 от 4 сентября 1905 г. [1]) доносит следующее: „1 сентября опять произошла „летучка“ в лесу у города Серпухова, на которую собралось под руководством неизвестного „Сергея Михайловича“ до 100 человек рабочих серпуховских ф-к; получив в 8 часов вечера сведения об этом, серпуховской уездный исправник, собрав подведомственных ему чинов полиции и вызвав пятую сотню 34-го Донского казачьего полка, отправился к лесу. Появление казаков перед лесом и распоряжение подэсаула Афонина о том, чтобы казакам в лес не в‘езжать, а спешиться у леса, дали возможность собравшимся в лесу разойтись безнаказанно, и только всего шесть человек было задержано“... Дальше в этом донесении идет перечень задержанных, указанных выше.

Вторая облава была на митинг, происходивший в ночь с 4 на 5 сентября на поляне за „Райской долиной“, окончившейся арестом 17 человек. Здесь были захвачены три каменщика — Маторин И. Ф., Кулагины Д. И. и А. И., Кузнецов Ст.—маляр; трое с ф-ки Старый Двор—Филимонов В. Н., Абрамов И. Н., Корняков М. К.; четверо с ф-ки Новая Мыза—Мышляев А. Б.—ткач, Чангин В. И., Журавлев А. С.—слесаря, Митрофанов М. С.—электромонтер, Фотиев Н. Н. — с Третьяковской ф-ки — работал баньщиком

[1]) То же за № 1495 от 4 сентября 1905 г.

и сделавшийся с этого ареста провокатором.[1] Он донес, что происходило на этом митинге, где предполагаются митинги в будущем, выдал приметы Якова Васильевича и о чем говорят арестованные в камере — между прочим, выдал Корнякова тем, что рассказал, как он учит остальных давать показания на допросе. Еще арестовали Градова-Матвеева, он же Калашников, и гимназиста Астапова И. А., последние двое по донесению того же жандармского подполковника Познанского дали более правдивые показания.

Я привожу выдержки из его донесений от 6 сентября за № 1500: „Представляю при сем Вашему Высокопревосходительству весьма существенные показания Никол. Николаева Фотиева, задержанного вместе с другими в ночь на 5 сентября на сходке в бору близ города Серпухова и доношу, что всех задержанных было 17 человек, из коих в настоящее время освобождены—Захар Кузнецов, Дмитрий Кулагин, Николай Фотиев, Алексей Журавлев, Иван Астапов и Владимир Павлович Градов-Матвеев. Кроме Фотиева более правдивые показания дали Градов-Матвеев и гимназист Астапов“... и т. д.

Далее в этих донесениях следуют показания Фотиева, допрошенного 5 сентября: „Этот главный оратор известен рабочим под кличкой Яков Васильевич, он высокого росту, брюнет, с длинными волосами, зачесанными назад, с небольшой круглой бородой, нос горбом, глаза черные—пронзительные, носит пушкинскую черную шляпу, черные узкие брюки и черный пиджак в светлом пальто. Голос грубый, но внятный и довольно громкий“.

Эти приметы довольно правильные для Якова Васильевича.

Дальше он показывает: „в камере, где мы помещались, все задержанные сговорились между собою как показывать, при чем Корняков просил давать показания по существу дела, но не упоминать, что на собрании говорилось о свер-

---

[1] Фотиев до 1908 года находился в Серпухове в организации и в 1908 г., по заявлению Лысенкова о его подозрительности, был изолирован от организации. В настоящее время по не вполне проверенным сведениям он умер.

жении самодержавия и стараться скрывать приметы оратора“.

Как видно из этих показаний, Фотиев стал орудием жандармов, таким же орудием стал и Градов, который в дальнейшем до декабря 1905 года играл видную роль в Серпуховской организации.

Кроме арестованных 17 человек полиция на месте митинга подобрала 25 воззваний с требованиями для пред'явления фабрикантам, которые были окончательно выработаны на последнем заседании районного стачечного комитета, 2 воззвания к рабочим ф-ки Хутора и одна книжка “На 1-е Мая“; первые две изданы Серпуховской группой, последняя Моск. К-том РСДРП. Вооруженных столкновений на митингах во время облав не было.

В пользу арестованных рабочих на этих митингах был организован подписной лист, который был найден потом во время обыска у Калугина Петра.

7. Первый арест части районного комитета и организация нового.

В конце августа, как это видно из материалов охранного отделения[1]) жандармерия усилила свою работу шпионажа и установила постоянное наружное наблюдение, начиная с Якова Васильевича и по нем выслеживала других товарищей. Шпики стали проникать в наши кружки. Этим наружным наблюдением с 4 по 21 сентября были установлены следующие лица и квартиры: Яков Васильевич, Энтина, Калугин Петр, Мария Беляева, она же Е. Н. Попова, Мишин, Ежов И. И., Муралов Ан. И., Хованский М. М., Шеваров Глеб, Еремин,—квартиры Энтиной, Дворянская ул., Шляхова—Спасская ул., Мишина—Гончары и Калугина. При чем до 12 сентября следили за Яковом Васильевичем, 12-го он скрылся, а с 13-го числа начали следить за

[1]) Из материалов Охр. Отд.: „Донесение пом. нач. М. Г. Жандар. Упр. по Серпуховскому и Подольскому уездам, № 1586 от 25 сентября 1905 г. п/полковника Познанского.

т. Поповой, вплоть до 21-го сентября, когда она выехала в Москву.

В виду частых облав на митинги и усилившейся слежки со стороны жандармерии за работниками, работу пришлось несколько ослабить, собирать митинги уже рискованно было и ограничивались собраниями небольших летучек посменно, в зависимости сменной работы фабрик, на которых выступали местные товарищи и раздавалась литература.

Об одном таком собрании 9-го сентября в донесении того жанд. п/полковника Познанского говорится следующее: „По агентурным сведениям 9-го сентября поздно вечером в Городском бору было собрание не более как 25 человек, без главного агитатора, раздавалась литература, в том числе воззвание под заглавием „Новые царские милости" и т. д.

Вместо Якова Васильевича с 12 сентября ответственным организатором от Московского Окружного Комитета была у нас тов. Попова, кличка Анна Петровна, но работать нам вместе долго не пришлось, потому что в ночь с 23 на 24 сентября все, выслеженные охранкой, были арестованы. Кроме того, были арестованы несколько человек, уже по результатам обыска.

Во время обыска у меня на квартире меня усиленно распрашивал пристав о библиотеке. Помню, пристав хотел забрать несколько книг, в которых упоминалось слово—революция; например—„История французской революции" и „История германской революции".

Я постарался убедить его оставить их, показывая надписи—„дозволено цензурой".—Найдено у меня ничего не было, хотя хранились три револьвера, огромный сверток только накануне полученной литературы, десятка два нелегальных книжек, отчетов по партийной организации и стачечного комитета, наброски требований к предполагаемой забастовке. Нелегальную литературу мне принес Мишин часа за два до обыска, и я не успел ее как следует спрятать, она целым свертком лежала наверху за наличником у кухонного окна. Все же остальное, как записи и оружие, хранилось в углу двора под большим деревом.

Из арестованных в эту ночь Энтину, Калугина, Муралова и Беляеву (Е. Н. Попову) запрятали в Таганскую

тюрьму и они были привлечены по 126 ст. Уг. Ул.[1]), так как у каждого из них нашли много нелегальной литературы: Отчеты Московского Окружного Комитета, нелегальные листки, изданные Серпуховской группой РСДРП. У тов. Поповой нашли материалы, устанавливающие ее связь с серпуховскими рабочими и Москвой (между прочим, вещи ее нашли без нее в квартире на Серпухове и принадлежность ей этих вещей установили через извозчика и квартирную хозяйку Александру Воронину, у которой была снята для нее комната). Из остальных арестованных—меня, Хованского, Ежова, Шляхова, Мишина, Шеварова, Еремина и Овсянникова (у которого был обыск в Москве, благодаря попавшей его рукописи у Энтиной), освободили, так как ничего не было найдено.

Когда я пришел домой из полиции, жил я тогда в Гончарах, в доме матери, то первое, что бросилось мне в глаза—это торчащий наполовину сверток прокламаций из-за наличника над окном, который я и захватил с собой на фабрику, и к вечеру человек двести рабочих читали уже эти листки.

На организации этот арест сильно отразился: во-первых,—в этот же арест попала и приехавшая к нам для работы от Моск. Окружн. К-та Попова, и мы совсем потеряли связь с Москвой; и, во-вторых, Энтну, как связующее звено с Москвой, также взяли. Местная интеллигенция, напуганная арестами, от работы отстранилась, и районный комитет в первом своем составе перестал существовать и его заменили другим из состава организаторов с фабрик. Сентября же 27-го было первое собрание его. Секретарем и кассиром этого комитета стал Мишин (Том), Лапшин—организатором Новенькой ф-ки; я и Шеваров — Новой Мызы, Третьяковской и Игнатовской, Пащенко — ф-ки Верхний двор, Мухин (Пчелкин)—Морайской ф-ки и Корняков—центральный библиотекарь. Этот комитет был исключительно из рабочих. Связи с Москвой не было, и ему пришлось проявлять свою собственную инициативу на свой риск и страх.

[1]) Из материалов Моск. Охр. Отд.: Дело № 362 о Серпуховской группе Моск. К-та РСДРП ст. 126 Уг. Ул. Началось 27 сент., кончилось 27 декабря 1905 года.

8. Начало забастовки и работа организации

Забастовка надвигалась все ближе и ближе и, пропустив момент, можно было все дело испортить. Силы наши за весну эту значительно увеличились. Наш стачечный комитет имел уже сумму денег рублей сто—полтораста для начала забастовки. Создался значительный кадр человек в 50, подготовленных в нелегальных кружках, товарищей и уже установилась прочная связь с отдельными фабриками. Кроме того, к октябрю за лето на массовках-митингах побывало много рабочих, частью состоящих в партии в нелегальном профсоюзе, частью поддерживающие ее активно, и на собрании районного комитета решили на следующей после праздника Покрова неделе приступить к забастовке. Прядильно-Ткацкая ф-ка Новая Мыза, теперь, „Красный Текстильщик" должна выступить первой, так как более сильная партийная организация была на ней и рабочие этой ф-ки активно поддерживали нашу партию. 1-го октября мы устроили собрание стачечного комитета и решили 4-го начать забастовку на Новой Мызе. Распределили между собой работу— Шеваров и Прозоров должны остановить паровую работу, Тимофеев и Ванюшин снимать ткачей и сновальщиков, Хренов—механическую мастерскую, я, Лысенков и Кожевников—прядильно-приготовительное отделение. Я же должен выработать требования и выступать на собрании для об'яснения их, остальные товарищи должны находиться у ворот фабрики и возвращать смену рабочих, идущих на работу и направлять их на собрание в чайную Коншина на дворе, где казарма рабочих.

4-го октября в 4 часа вечера, после второй смены, наши товарищи начали действовать. Остановили паровую машину, об'явили и устно и через письменное об'явление, кончающим рабочим и приходящим на работу—итти в чайную. Чайная—это большое здание во дворе, построенное фабрикантом, где внизу была харчевая лавка, а наверху большой зал, где пили чай. Зал мог вместить тысячи две людей, всего же на фабрике было 6 с лишним тысяч человек. Начало забастовки было удачным, чайная битком набита

рабочими и на улице вокруг чайной, и у крыльца, и по лестнице на два этажа, все забито рабочими. Всем хотелось принять участие в выработке требований, которые нужно пред'явить фабриканту. Злоба и негодование рабочих на чрезмерную эксплоатацию и рабское бесправие дошли до границ. Я помню, как меня, стоящего на столе, читающего, об'ясняющего и записывающего требования, тесным кольцом окружили рабочие, и через какой-нибудь час времени все были мокрые от пота.

На мой вопрос—необходим ли нам, товарищи, восьми-часовой рабочий день—был громовый ответ—„необходим, нужно записать". Нужна ли нам свобода собраний, свобода стачек, свобода союзов, чтобы защищать интересы—опять ответ—„нужно, надо записать, без них нас задушат капиталисты".

Таким образом, в течение пяти-шести часов выработаны были требования: 1) восьми-часовой рабочий день, 2) свобода собраний, стачек, союзов, 3) воспрещение пользоваться трудом детей до 16 лет, 4) устройство яслей для грудных детей, 5) освобождение женщин на время беременности и родов, 6) государственное страхование рабочих, 7) устройство инспекторского надзора по охране труда из рабочих, 8) повышение заработной платы от 10 до 20%, 9) отмена штрафов и обысков, 10) сменить нескольких администраторов.

Избрали стачечный комитет уже легальный—Шеварова, Прозорова, Кожевникова, Чернова, Наурова Алексея, Хренова и меня. Они же были делегатами и при переговорах с фабрикантами. У рабочих было так велико желание иметь выработанное требование и продумать их, что это же собрание в присутствии рабочих и других фабрик постановило отпечатать эти требования и по возможности больше раздать. Вначале мы с Мишиным и Лапшиным хотели отпечатать их дома у т. Мышляева Бор. Алек., но нам это не удалось. Передали их Мишину для отпечатания в нелегальной типографии.

Он со мной условился положить их к 12 часам следующего дня под корень большого дерева на берегу реки Нары, на краю местечка, называемого Гончары. На другой день листков там я не нашел и лишь часа через два пришел Мишин и торопливо вынул из-за пазухи, до зарезу нужные

листки, при чем рассказал, что всю ночь носился с ремингтоном (печатная машинка) из квартиры в квартиру и что Сумин, который должен был печатать ночью, был арестован, поэтому никак невозможно было напечатать к сроку.

Сумин, как это видно в постановлении 7 октября 1905 г. о привлечении его в качестве обвиняемого по 126 ст. Уг. Ул., был арестован 6 октября в 3 часа дня, при нем был найден мимеограф (печатная машина) с приготовленными для печатания воззваниями Серпуховской группы РСДРП и некоторые нелегальные книжки и листки. Проживал он у содержателя типографии Дм. Павл. Никифорова.

Арест его произошел так внезапно потому, что его выдала Калашникова Евгения Степановна, служившая кормилицей у Никифорова, и которая видела у него рамку с карикатурами на царя. Об этой рамке она рассказала своему брату жандармскому унтер-офицеру Огурцову Ив. Ст., которому принесла с чердака эту рамку. Огурцов сейчас отнес ее к вахмистру Королеву, последний снарядил внезапный обыск и Сумин был арестован.

Когда я пришел на фабрику, там уже появились казаки и охрана из пехоты, расставленная вдоль наружного корпуса фабрики от центральных ворот. Во дворе, на пути к казарме, я повстречал некоторых товарищей, окруженных кучками рабочих, и с ними вместе пошли в чайную—наш штаб, где распределили листки.

Стачечный комитет в этот день разрешил несколько вопросов: 1) О закрытии монополек на время забастовки и поручил Шеварову снестись с исправником. Исправник сначала не соглашался закрыть и запугивал Шеварова убытками от торговли, которые потребуют с него, но, наконец, согласился, и казенки были закрыты как у Новой Мызы, так и во всем городе. 2). Разрешили вопрос о связи с другими фабриками, при чем руководящим центром забастовки сделали Стачечный комитет Новой Мызы, местом его чайную Новой Мызы. Все забастовавшие рабочие должны посылать на совет своих выборных в Стачечный Комитет в эту чайную. 3. Распределили обязанности, кто должен пред'являть требования фабриканту и вести с ним переговоры, кто должен вести переговоры с представителями от других фабрик. Шеварову было поручено, кроме ведения

переговоров с фабрикантом, добиться его приезда на собрание рабочих.

С этого же дня забастовка перекинулась на Третьяковскую ткацкую фабрику и на соседнюю Новенькую. На этих фабриках также избрали депутатов и направили на совет в ту же чайную, в главный штаб, где получали необходимые сведения. Требования нужно было распространить и об'яснить, поэтому часть товарищей специально командировались на разные фабрики. Мне на другой день пришлось выступать на Мараевской ф-ке в казарме, куда полиция боялась заглянуть. На следующий день фабрика также забастовала и избранные депутаты ходили каждый день на Новую Мызу в наш штаб.

Дня через три мне сообщили, что работницы ф-ки Рябова в городе очень просят устроить собрание, но помещения нет. Собрание устроили за Городской Думой [1]), около колодца, вечером 6 октября. Вечер был довольно темный. Мне пришлось растолковать им, почему забастовали Мызинские, Третьяковские и другие рабочие, чего они хотят и что пред'являют своим фабрикантам. Во время митинга послышался топот раз'езда патруля и удивительно, что, вместо паники, создалась мертвая тишина и раз'езд человек в 12 проехал по пересекаемой бывш. Никольской улице, совсем около митинга, не заметив его.

На следующий день эта фабрика забастовала. Вскоре к забастовке присоединились рабочие 2-й Рябовской ф-ки, что у вокзала. Не бастующей осталась только фабрика Верхний или Старый Двор. Ново-мызинские рабочие решили и ее согнать с работы и часть рабочих от ф-ки Новая Мыза направились туда с двух сторон от жел.-дор. ветки с Гончаров и со стороны Старого базара. Я шел с группою со стороны Гончаров. Когда мы подошли к ф-ке, там оказалась охрана из войска и пробраться к ней нам не удалось.

Забастовка все больше и больше разрасталась, центром работы была чайная Новой Мызы, там происходили бесконечные собрания и беседы на все темы; оттуда получали руководство через делегата на все фабрики. Наша партийная организация за это время вела напряженную работу.

[1]) Теперь Совет.

9. Манифест 17-го октября и конец забастовки

Вначале забастовки фабриканты совершенно не шли ни на какие уступки, рабочие также упорно стояли на своем. К концу второй недели у некоторых рабочих семейств, особенно не имевших отцов, уже нечего было есть. Мы так были бедны, что два-три дня прогула ложились тяжестью на заработок рабочего, страхования на случай болезни такого, как теперь, не было и в помине, оно было только в наших требованиях. Деньги нашего подпольного Стачечного комитета растаяли к началу третьей недели забастовки, на помощь особо нуждающимся. Помню, что кое-где Мишин добывал у городской сочувствующей интеллигенции, да Шеваров от местных сочувствующих людей, но нужда росла все больше и больше.

К началу третьей недели забастовки рабочие уже стали поговаривать о работе, особенно тяжело было рабочим, которые жили в казармах и не имели куска хлеба в запасе. Как раз к этому времени был издан манифест 17 октября. Я как сейчас помню, правительство и буржуазия постарались везде и всюду расклеить его, но рабочим с трудом верилось, что из этого будет что-нибудь хорошее. Многие из них поговаривали, что он непонятно написан, пожалуй, что просто хотят узнать о наших организациях и прихлопнуть их. Фабриканты, в связи с этим, чтобы не подорвать авторитета манифеста и использовать его в свою пользу пошли на некоторые уступки, согласившись прибавить по пятаку на поденные и сдельные работы, на выработку, как тогда называли. А чтобы разбить единодушие рабочих, обещали сейчас же, как только приступят к работе, пересмотреть расценки в лучшую сторону для рабочих, устроить ясли и кое-что по общежитию рабочих. Представитель фабриканта Коншина — Баршев на собрании рабочих в той же чайной дошел даже до такого умиления, что заявил нам, что если бы хоть гденибудь, даже за границей, был восьмичасовой рабочий день, то сейчас бы его ввел. Как ни сладки были слова

и обещания, но рабочие, несмотря на массовую голодовку, все-таки еще более недели продолжали бастовать.

Во время забастовки, числа 10 октября, приехал к нам от Моск. Окружного Комитета тов. Юрий. Он попробовал выступить в чайной на собрании рабочих, но выступление было неудачное, потому что с одной стороны мешал его акцент, а с другой, рабочие плохо слушали, как постороннего человека. При нем наш районный к-т раза два собирался и последний раз стоял вопрос о продолжении или окончании забастовки и можно ли ее закончить вооруженным восстанием. Здесь выяснилось, что вооруженное восстание провести нельзя, потому что сама партийная организация в боевом отношении была недостаточно сильна, имела всего человек 10—15 вооруженных. Рабочие еще находились под влиянием манифеста и уступок фабриканта, продолжать забастовку дальше становилось, благодаря развившейся голодовке и нищете, трудно, и пришли к тому, что забастовку нужно кончить, готовиться ко второму выступлению, усилив боевую организацию. 27 октября было об'явлено рабочим об окончании забастовки. Через два дня фабрики начали работать.

10. Усиление боевой дружины, похороны тов. Грачева, В. В.

После забастовки устройство свободных открытых собраний, больших, в чайной становилось труднее, и работу перенесли на закрытые собрания. Устраивали их в той же чайной, и в деревне Глазещино, и в лесу, на так называемом Коншинском гуляньи. Собрания эти посещались рабочими не менее охотно, чем до забастовки.

После забастовки через несколько дней Мишину через Триденцова (кличка „Саввушка") удалось купить еще немного оружия: одну винтовку „Винчестер" с патронами, 3 револьвера системы „Борхар", 8 штук поднаганов и добыто несколько старых револьверов из разных мест. — Это оружие в первых числах ноября Мишин роздал Наурову [1]) Алексею — прядильщику, Ноздрачеву, Брагину, Ванюшину,

[1]) Науров убит в 1906 году в Глазещине хулиганами.

Лисенкову, Карпову Ив. Дан., Наумову Петру—ткачу с Третьяковской фабрики и Сорокину—ткачу с той же ф-ки. Таким образом, с начала ноября у нас была боевая дружина человек в 25—30, и ей через несколько дней пришлось выступать при охране похорон товарища.

6 ноября умер один товарищ из нашего Ново-Мызенского партийного кружка Грачев Василий Васильевич. Районный комитет решил, по примеру похорон Баумана, устроить похороны-демонстрацию в Серпухове. Эти похороны были полугражданские, т. к. родственники на полные гражданские похороны не согласились. 8-го ноября решено было хоронить, а для охраны и порядка пустить в ход боевую дружину. На районном комитете было решено, что в случае, если полиция вздумает разгонять, то пустить в ход и нам военную силу. Начальником боевой дружины был в это время Лапшин. С утра собрались дружинники почти в полном составе у больницы Новой Мызы, принесли венок с большими красными лентами и надписью „Пролетарии всех стран, соединяйтесь"—„Борцы за свободу"—от районного комитета РСДРП. Дружинники шли цепью вокруг гроба, с револьверами у пояса, открыто. Демонстрация очень хорошо удалась. Рабочих со всех фабрик собралось много; шествие шло часов шесть; от фабрики Новая Мыза до церкви Богоявления шли с попом, а затем до Занарского кладбища по Нижне-Казенной улице, Боровской и по полю без попа.

Полиция, повидимому, боялась сделать набег, потому что слухи ходили, что боевой дружины идет человек пятьсот, тогда как на самом деле было человек 20—25. На могиле устроили митинг. Выступали: Градов-Калашников, Мишин, Корняков и я. При моем выступлении кто-то устроил провокацию, крикнув „казаки едут". Сначала создалась паника, но затем толпа успокоилась и, дослушав речь, мирно с революционными песнями разошлась по домам. Дружине был приказ после митинга явиться в чайную в деревне Глазещино, где устроили совещание и назначили день сбора.

11. Полиция и черносотенцы готовили погром

Эти похороны использовала полиция и черносотенцы. На другой же день стали ходить слухи о безбожных похоронах и о поминках с речами о свержении царя, происходивших у меня в доме в Гончарах, и что на поминках народу было так много, что вся крыша дома и забор были усеяны людьми. Словом, в воздухе носился погром. Некоторых из нас, повидимому, черносотенцы взяли на учет, потому что однажды, в общественном саду, в городе, на меня и Кожевникова напали 4 человека в офицерской форме и только наша расторопность спасла нас от избиения: мы быстро сообразили в чем дело и пустили в ход револьверы.

В середине ноября состоялась лекция Скворцова-Степанова на тему „О возникновении и развитии рабочего класса в России". Помещение охранялось дружиной.

После похорон Юрий уехал в Москву и не возвращался. В середине ноября на его место приехал из Москвы Мандельштам, кличка „Одиссей", а у нас ему кличка была „Григорий", и с ним вместе или почти вместе приехал ответственный пропагандист Михаил.

Числу к 20 ноября погромное настроение назревало все больше и черносотенцы готовились к выступлению. Атмосфера для погрома усилилась еще и тем, что числа 22 ноября районным комитетом был устроен митинг для рекрутов, после которого рекрута раз'ехались по домам, и набор в солдаты в этот раз был сорван и производился вновь уже после подавления вооруженного восстания в Москве. Митинг этот происходил в Городском саду в театре. Тема была—„Постоянная армия и вооружение народа и для чего царю нужны солдаты". Выступало четыре—пять товарищей. Дружина наша была наготове, здесь же на митинге. Этот митинг не прошел бесследно и для деревень, так как многие вернувшиеся рекруты порассказали кое-что из слышанного, и это облегчило в дальнейшем нашу работу среди крестьян.

На одном заседании комитета уже вместе с Григорием было решено завести ночные и вечерние дежурства боевой дружины для охраны квартир, на которые возможны были нападения. Эти квартиры были: Энтина, Мясникова, Еремина и Триденцова. Сообразно и дружина была разбита на две части и с 20 ноября по 5 декабря по вечерам дружинники собирались в полном вооружении. Первый пункт сбора был—Дворянская ул., кв. Энтиной, где дежурили Мишин, Беляев, я, Дмитриев Иван, Григорий, Михаил и Мясников; второй пункт—Калужская ул., столярная мастерская недалеко от мужского монастыря. — Здесь были товарищи: Терентий—приезжий, инструктор по обучению дружинников, Шеваров, Брагин, Косичкин, Хренов, Прозоров и Триденцов. Черносотенцы и полиция, повидимому, проведали о том, что им готовился отпор и, имея смутное представление о численности боевой дружины, выступить побоялись за исключением единоличных случаев.

12. Организация аграрной группы для работы по деревням

Приезд от Окружного Комитета Григория и Михаила вновь оживил организацию. Опять наладилась работа как районного комитета, так и на местах. Самый комитет был в прежнем составе, добавился только Брагиным (кличка „Шибаев“) с Третьяковской ф-ки, Триденцовым и Калашниковым, он же Градов. В это же время была выделена группа агитаторов по деревням, или аграрная группа, куда вошли Кожевников, я, Дмитриев Иван, Корняков и Градов, как руководитель аграрной группы.

В основу работы этой группы была положена резолюция Московского Комитета и Окружной Организации с заглавием „К вопросу об организации деревенских комитетов“, в которой указывалось, каким путем и какие вопросы выдвигать среди крестьян и рекомендовалось говорить о земельном наделе, об условиях труда у помещика на фабриках, кустарных промыслах. В наши же задачи входило доставлять как легальную, так и нелегальную литературу, устраивать библиотечки, вести устную агитацию на волост-

ных и сельских сходах, организовывать выступления самих крестьян на сходах с речами о выступлениях крестьян в других местах против помещиков. Организовывать массовые собрания и кружки пропаганды, организовывать сбор денег для партии, организовывать открытые выступления низов деревни против самодержавия и его слуг. Первой же нашей задачей было—установить связи, создать в несколько человек ячейку, выступить на собрании и рассказать—почему бастовали рабочие, почему они готовятся к вооруженному восстанию и чем крестьяне могут помочь рабочим и себе. Работала эта группа, отправляясь по праздникам в деревню. Наша группа не являлась комитетом, или вернее говоря, не успела им стать, а представляла группу агитаторов, исполняя и некоторые организационные работы.

В городе в это время было собрание, общепартийное собрание в больнице, в квартире д-ра Залоги, где обсуждался вопрос о вооруженном восстании, о ведении пропаганды среди солдат и производились выборы на предполагавшийся партийный с'езд. Делегатом был выбран Калашников-Градов. Этот с'езд не состоялся, а Градов, уехав в Москву, больше не возвращался.

Вначале декабря была устроена лекция, которую читал Фриче на тему „Капитализм и социализм", в доме, против полицейской части, теперь Центроклуб. Эта лекция во избежание нападения охранялась нашей боевой дружиной и прошла благополучно. Между прочим, в переднем ряду сидел исправник и слушал лекцию. В это же время в районном комитете стал подниматься вопрос о том, чтобы выделить часть товарищей на постоянную работу, т.-е. перевести их на положение профессионалов, как называли тогда всех, занимающихся исключительно партийной работой, т.-е. делавших партработу своей профессией. Мы приступили к их подготовке, но осуществить этого полностью не удалось.

С конца ноября с созданием аграрной группы начинается, хоть и малая, работа по окружающим деревням. На первый раз были установлены связи с деревнями Березино и Семеновская, Московской губ.; Лукьяново, Липецы и Подмоклово, Тульской губ., а также со ст. Гривно Московско-Курской ж. д. Мне лично даже еще раньше ноября, во время забастовки, приходилось выступать в деревне Бе-

резино на митингах.—Раза три был в Лукьянове, где собиралась группа крестьян, человек в восемь, в чайной об-ва Трезвости. В начале декабря ходил я в деревню Липецы, где удалось выступить в чайной, как раз в тот день, когда там был волостной сход. Я попал к концу. Пристав на сходе предупреждал крестьян, говоря: „Смотрите, остерегайтесь, теперь ходят подстрекатели, которые хотят убить царя и вас втравляют в это дело, а вы ловите их, да ко мне ведите“. После этого схода пристав уехал, крестьяне стали расходиться, кто-то из них, конечно, кулачки, признали во мне постороннего человека и хотели покончить со мной, но ограничились только одним тумаком, меня выручил кузнец, к которому была явка. В один из праздников, в середине декабря, меня послали на ст. Гривно на митинг крестьян из прилегающих деревень и рабочих Климовского завода. Говорил я об обманном манифесте 17-го октября и о том, что надеяться на получение земли в виде подарков от правительства и помещиков нечего, а нужно самим брать землю у помещиков и создавать свои комитеты управления.

Наступившие зимние холода несколько задержали эту работу, но влияние городских рабочих на деревню и работа нашей организации не прошла бесследно, и к октябрю м-цу начинаются аресты крестьян за призывы к неуплате податей, неповиновению властям, за агитацию о равенстве всех сословий и агитацию против бога.

Это видно из донесений того же жандармск. п/полковника Познанского от 8 октября № 1709, например, обвинялся крестьянин села Киясова Илья Федоров Архипов, на которого донесли Тимофей Васильевич Турухин и Андриан Иванов Прометов в подобной агитации, за что его привлекли к дознанию. Второй крестьянин Семеновской волости, дер. Петрищева Иван Степанов Грачев—привлекался за оскорбление особы царя по 103 ст. Уг. Ул.

Дальнейшее движение крестьян приняло нежелательную форму погромов, и в нескольких местах горело помещичье сено. В деревне Липецах крестьяне пришли к помещице и требовали ее выезда, что она на другой же день исполнила. Крестьяне, кажется, кое-что в усадьбе побили, за что царское правительство им отплатило.

13. Вопрос о вооруженном восстании и второй арест районного комитета

Декабря 6-го, перед московским вооруженным восстанием, на заседании нашего районного комитета был поставлен в упор вопрос о том, чтобы начать забастовку и перевести ее в вооруженное восстание.

После долгого обсуждения пришли к заключению, что поднять опять рабочих на забастовку трудно и решили от этой мысли отказаться. Тов. Григорий уехал в Москву и больше не возвращался. За время восстания в Москве связь с нею порвалась, что происходило в Москве, мы не знали. Полиция в это время все свои силы направила на то, чтобы порвать всякую нашу связь с центром. Газеты, даже черносотенные, к нам не попадали, только к концу декабря мы кое-что узнали от сбежавших из Москвы рабочих, но и эти сведения были довольно смутны.

Оглядываясь теперь назад, видишь, что наша организация в целом еще не была так сильна и не имела еще достаточного опыта, чтобы использовать полностью имеющиеся силы. Нашу дружину, если не полностью, то хоть в половинном размере, можно бы было использовать в Москве, раз не было работы в Серпухове, но тогда, хотя и ставился вопрос об этом, но напрасная боязнь помешала нам оказать помощь Москве, а еще и потому, что мы все были заняты работой по дальнейшему укреплению нашей организации.

К началу 1906 года организация значительно подросла и влияние ее усилилось. Это видно было из того, как брали у меня из районной библиотеки книги, ко мне уже приходили не три-пять человек, а 30—40 человек, но продолжалось это недолго.

25-го января 1906 года почти весь наш комитет и часть активных товарищей была арестована. Арестовали тогда Шеварова, меня, Мишина, Корнякова, Пещенко, Пчелкина, Игнатьева, Никитина-телеграфиста и Хренова. Из комитета уцелел только тов. Лапшин, которого не даром мы звали „великий конспиратор“.

Из активных рабочих Новой Мызы уцелели Тимофеев, Иван Егоров, Ванюшин и Лисенков.

Организация не умерла, связь осталась, и после нашего ареста работа продолжалась. Нас продержали около двух недель в Серпуховской тюрьме, откуда освободили Пащенко на поруки отца, Хренова и Пчелкина без права жительства в столичных губерниях. Кроме нас, в Серпуховской тюрьме было несколько товарищей из Лопасни и со станции Гривно. Нас, остальных, отправили в Москву, в Бутырскую тюрьму. В Бутырках к нашему приезду были уже тысячи товарищей из разных мест и разных наций, как бы первое преддверие к Коммунистическому Интернационалу. Нас продержали в Бутырках до 10 апреля 1906 года и выслали в Сибирь: Мишина и меня в Туруханский край; Шеварова, Корнякова, Никитина—в Нарымский край; Игнатьева—в Вологодскую губернию.

Опыт 1905 г. для серпуховских рабочих не пропал даром, и когда наступил 1917 год, они знали, что нужно делать, они постарались под руководством Серпуховской организации нашей партии победить у себя буржуазию и оказать поддержку рабочим Москвы своим активным участием в Октябрьском перевороте и оказать военную помощь центру Пролетарской Революции—Москве.

1/VIII—25 года

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1917 г. в СЕРПУХОВЕ

I. Состояние фабрик и жизнь рабочих

После февральской революции 1917 года, которую мне пришлось проводить в ссылке в селе Преображенском Киренского уезда Иркутской губ., я возвратился в г. Серпухов. Это было 22 мая в праздник „День рабочей печати". Вечером товарищи повели меня на митинг, который происходил на поле перед бором. Трибуна была построена недалеко от церкви с кладбищем.

Митинг уже начался, на трибуне говорил меньшевик Богатырев. Наша Серпуховская организация, повидимому, принимала участие в устройстве этого митинга, т. к. здесь была тов. Бобровская и давала указания какому-то товарищу, где поставить стол для продажи литературы. Она же заставила меня влезть на трибуну и выступить.

От этого митинга у меня осталось такое впечатление, что меньшевики и эс-эры в Серпухове играют большую роль, т. к. выступающих с их стороны было довольно много. Это явление по сравнению с 1905 годом сразу бросилось мне в глаза. Я не знал еще ни их организации, ни своей, потому что видел только несколько товарищей, которые меня знали раньше.

На другой день я присмотрелся к самому городу и меня поразили изменения, которые произошли за десять лет моего изгнания из Серпухова. Первое, что мне бросилось в глаза—это разбухшие фабрики Коншина. Местечко Гончары близ ф-ки Верхний Двор, ранее представлявшие из себя здоровую окраину города, теперь кругом опутано

разными постройками под склады угля, дров, под свалку шлака (золы); разрезано ручьями, протекающими из горячей и холодной отработанной фабрикой воды, и кругом на площади трех квадратных верст улицы и дома покрыты черным слоем угольной пыли. Сами домики выглядели старыми, изношенными. Та же картина была около всех фабрик с небольшой разницей.

В то же время некоторые маленькие фабрички, как например, Ильинская, рогожная фабрика Мясникова прикончили свое существование и на одной из них—Ильинской—была расположена воинская часть с мастерской „Морская Бригада", которая впоследствии сыграла большую роль в Октябрьском перевороте.

Производство Коншина, Мараева, Рябова, Игнатова заметно расширилось. Первое увеличение и площадей и количества новых корпусов как-то сразу произошло во время японской войны и второе—во время империалистической войны. Капитал концентрировался (об'единялся) все более и более в одних руках.

Фабрики к этому времени хотя и работали, но некоторые с перебоями то на несколько дней, то на недельку и побольше. Причинами остановок были или недостача сырья, или невыкуп готового товара, или незаметный политический саботаж фабрикантов с целью воздействия на рабочих в случае их неподатливости в понижении заработной платы. Это практиковали недостаточно крупные, как Мараев, Игнатов и отчасти Рябов.

Итак, фабриканты за время моего десятилетнего отсутствия значительно разбогатели, зато рабочая жизнь не только не улучшилась, но порядочно ухудшилась. Когда я встречал рабочих, которых знал тысячи, то поражался их изношенностью. Многие из квалифицированных рабочих, как-то: гравера, раклисты, слесаря, ткачи, прядильщики, ткачихи, рисовальщики, за мое отсутствие вымерли. Многие, еще здоровые и молодые в 1905-7 гг., стали инвалидами, и немного осталось сохранившихся и способных к дальнейшему труду. Фабриканты нисколько не заботились о сбережении рабочей силы, и в этой области охраной труда, никаких мер не было принято за десять лет. В этой области было все по старому, даже еще похуже,

так, например, постройки для жилья рабочих почти не увеличились, тогда как кадр рабочих, покончивших с деревней, значительно увеличился. Бывшие постройки довольно обветшали, и условия жизни ухудшились. Кроме этого, среди рабочих появилось много семей—без отца, где на шесть-семь человек была одна работница—солдатка. Деньги начали терять ценность, а надбавки на дороговизну под звон и речи меньшевиков и эс-эров, благодаря искусственной оттяжки выплаты, сводились к нулю.

Трудно было найти хотя бы маленькое проявление заботы о жизни рабочих, если не считать так называемого „увеселительного комитета“ (одно из культурных учреждений при ф-ке Новая Мыза), которому Т-вом Коншина отпускалась незначительная сумма денег, при условии, конечно, если он будет употреблять эти деньги не на агитацию и пропаганду против себя, а для невинных развлечений, а, вернее говоря, отвлечения рабочих от борьбы против буржуазии.

Вот какое было подготовлено капиталистами наследство для Советской власти и которое дальнейшими нападениями на нас они постарались еще в десять раз ухудшить.

2. Правительственные организации и их политическое направление и рабочие организации

Мне, как новому человеку, пришлось познакомиться с существующими организациями. Из них были следующие—гражданский комиссариат, Совет Рабочих Депутатов, Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов, городская дума,—все это помещалось в здании городской думы. В первых двух главную роль играли меньшевики, хотя председателем Совета был большевик Беспалов—рабочий, зато в президиуме меньшевики и эс-эры имели большее влияние, чем мы. Их лидеры, как Богатырев—подпрапорщик, Макаров—он же гражданский комиссар, Тимофеев Мих. Ив., Милехин—рабочие с Верхнего Двора и с. р. Кустарев входили в состав Президиума.

В Исполнительном Комитете Крестьянских Депутатов

полностью властвовали эс-эры под председательством Кустарева, и он был довольно изолирован от СРД.

Городская управа имела направление кадетско-меньшевистское. Уездная Земская Управа имела направление кадетско-эсеровское, хотя председателем у нее был меньшевик Михайлов. Затем был Совет Солдатских Депутатов, помещавшийся на Базарной площади, над аптекой Пахомова, впоследствии переехавший на Московскую улицу и поместившийся над обувным магазином Фирсанова. Солдатский Совет по составу был меньшевистско-максималистский и там в Исполкоме были меньшевики и максималисты. По существу же к моему приезду он был меньшевистский, так как главными руководителями были меньшевики Богатырев, Клумб, Макаров и др.; из максималистов Плотников, Серебренников, а из большевиков только один т. Балашев. Максималисты в этом Совете теоретически сопротивлялись меньшевикам, но на практике делали их дело. В дальнейшем их удалось вырвать из-под влияния меньшевиков.

Из рабочих организаций были—Совет Рабочих Депутатов, упомянутый выше, затем, так наз. „согласительная комиссия" из рабочих и фабрикантов, которая занималась регулированием заработной платы, в виду падения ценности денег. Рабочая часть этой комиссии была предоставлена сама себе и работала почти без руководства со стороны нашей организации, хотя там и были хорошие товарищи, как Маршалов, Андрианов и др.

Профессиональных союзов, за исключением намечающегося союза типографов во главе с т. Аристовым и союза служащих, не было. В союзе служащих председателем был анархист Греве, помещался он в доме Добрынина, где прежде устраивали свадебные вечера около Сенной площади. Этот союз держал в это время как бы нейтралитет и политически ничем не проявлял себя, что, конечно, очень выгодно было и тогдашним политическим-меньшевистским властям и фабрикантам. Союз же типографов был большевистским и с удовольствием исполнял наши партийные заказы по печати.

3. Партийные организации

Из партийных организаций главную роль среди солдат, за исключением морской бригады, рабочих Верхнего Двора, среди служащих правительственных и военных учреждений и солдатских комитетов, а также и среди интеллигенции играла меньшевистская организация, так как лидеры ее были офицеры и интеллигенты, а из рабочих с Верхнего Двора Тимофеев Мих. и Милехин. Комитет их помещался в городской думе вместе с эсерами—это было оригинальное, но вполне понятное единение. Сама организация их имела какую-то бесформенность и каких-нибудь прочных групп на низах она не имела и если имела влияние, то только потому, что пользовалась всем правительственным аппаратом для своей пропаганды и агитации, верхушка же их была довольно единодушна и сработавшаяся. Эсеры, кроме лидеров, имели незначительное количество отдельных рабочих в своей организации. Она имела влияние на Исполком Крестьянских Депутатов, а чрез него и на крестьян. Организация максималистов была не вполне оформлена во главе с Утаковым Борисом Ивановичем, Плотниковым, Серебренниковым, но имела прочное влияние среди солдат Морской Бригады и отчасти в другой артиллерийской части, находящейся в Серпухове.

Наша организация большевиков, в которой тогда были руководителями—Бобровский, Бобровская, Костяков, Казачков, Дядичев, Ушаков Михаил и из участников 1905 г.—Мишин, Тимофеев И. Е., Ванюшин, Косичкин, недостаточно была связана с фабриками и не имела определенных, хорошо сплоченных ячеек по фабрикам, а влияла только через товарищей, находившихся в Совете, частью большевиков, частью сочувствующих. Сама головка организации была недостаточно повседневно организационно связана, постоянно действующих партийных аппаратов не было, и комитет был недостаточно организован. Не было дано им определенной какой бы то ни было работы каждому члену. Несмотря на это, влияние нашей организации было на

всех фабриках, где сильнее, где слабее,—само настроение рабочих было большевистское. Регулярного партийного воспитания сочувствующих рабочих и членов партии через кружки не было, оно ограничивалось митингами, газетами, книжками, передаваемыми через членов Совета, и то недостаточно регулярно. Этого воспитания не хватало уже потому, что на митингах и на заседаниях Совета от большевиков выступало мало, потому что почти не было людей, умеющих выступать, тогда как у меньшевиков и эсеров говорунов было достаточно, и головы рабочих достаточно затемнялись.

Словом, мало-мало четко работающего партийного аппарата за время трехмесячного легального существования партии еще не выковалось. В разговорах с товарищами я указывал на эти пробелы, а главное на необходимость создания на местах баз ячеек, как повседневных проводников задач нашей партии.

4. Подтягивание организации, завоевание солдатских масс и Солдатского Совета

Основными задачами нашей партии в мае и июне были: во-первых, перевыборы советов, которые еще сохранили в себе остатки, так называемых „комитетов общественных организаций“—этой меньшевистско-эсеровской мешанины, когда всю демократию смешивали в одну кучу; во-вторых, организация митингов и демонстраций против войны, наступления, против смертной казни, вводимой Керенским, и против Временного Правительства за полную власть Советов, и в-третьих, подготовка выборов в местное самоуправление.

У нас, в Серпухове, с первым вопросом, перевыборов Совета,—к июню было покончено. Совет Рабочих Депутатов был переизбран, и он очистился от совершенно чуждых элементов, но был еще под влиянием меньшевиков и эсеров. Оставалось два последних вопроса, над которыми предстояла работа, особенно по вопросу о войне, так как Временное Правительство пустило в ход весь свой аппарат для пропаганды и агитации наступления. Все партии ему по-

могали в этом, значительный же кадр офицеров достаточно воздействовал на солдат в этом деле, забивая им головы о необходимости продолжать войну. Здесь предстояла работа против всех. Кроме этого перед нашей организацией стоял вопрос укрепления ее сверху донизу, начиная с головки до ячеек на местах. Нужно было создать кадр квалифицированных товарищей, в виде руководителей на местах, полностью завоевать Совет Рабочих Депутатов и Совет Солдатских Депутатов, об'единить рабочих в профессиональный Союз.

На первом нашем общегородском партийном собрании, которое происходило в первых числах июня, в помещении районного к—та (школа против пивоваренного завода Козлова), мы решили провести ряд организационных мер— 1) сплотить имеющихся партийных товарищей и сочувствующих нам регулярными общегородскими партийными собраниями, установить день—пятницу—как более удобный для собрания, создать на местах ячейки из товарищей, которые должны вести организационную работу, держать постоянную связь с районным комитетом, получать и раздавать литературу и создать кружки, желающих заниматься по текущим и программным вопросам. Для всего этого ввели в районном комитете постоянные дежурства, поручив это тов. Костякову, выбрали новый районный комитет, куда вошли—Костяков—секретарем, я—как председатель на постоянную работу и для связи с Московским Окружным Комитетом тов. Бобровский—представитель в редколлегию в „Известия Серпуховского Совета Рабоч. Деп.“ Ушаков—младший, Балашов от Морской Бригады, Тимофеев И. Е. с Новой Мызы, Гаврилов с Рябовской ф-ки, Акинин с текстильной Занарской, Бобровская, Аристов от типографов, Казачков, Мишин и Дядичев по городу.

Город был разбит на четыре района: в первый входили ф-ки Новая Мыза, Новенькая, Третьяковская, Игнатовская и Морская Бригада. Организаторами там были: Тимофеев, Ванюшин, Балашев. Пунктом сбора была установлена чайная Н. Мызы и Коншинское гулянье. Второй район—завод Астапова, Каштановская, текстильная Занарская и типография „Артели“—пункт сбора—чайная О-ва Трезвости, на углу Нижне-Казенной улицы, около Занарской ф-ки. Третий

район—городской с фабриками: Верхний и Нижний Двор, Мараевская и солдатские казармы. Организаторами Мухатаев, Мишин, Дядичев. Четвертый район—вокзальный с фабриками Штейнегеровская и Рябовская—организаторами были—Гаврилов, Рыбин и Ушаков. Местом собраний—чайная у вокзала.

Первое время дело с созданием групп-ячеек на местах у нас как-то не клеилось и случайно мы нащупали другую форму об'единений—этой формой было собрание активных работников, в роде как бы на открытую дискуссию, местом которых была чайная О-ва Трезвости, рядом с Занарской текстильной ф-кой. В эту чайную каждый вечер собирались и партийные и беспартийные пить чай, и мы решили использовать эти чаи. Я заранее подготовлял и делал доклад по тому или другому вопросу, после чего выступали другие товарищи и, таким образом, постепенно втягивались в эти собрания. Практически дело это происходило так: до девяти часов все пьют чай и сидят по пять—шесть человек за столами, в девять часов Дмитриев Серг. об'являет о начале доклада, призывает к тишине и дает мне слово. После моего доклада начинаются прения, здесь выступали и меньшевики, и эсеры, и наши товарищи, и толстовцы, и в конце-концов вопрос становился для всех ясным, и колеблющиеся из рабочих становились на нашу сторону. Такие собрания происходили почти ежедневно.

Все эти наши беседы вертелись вокруг тезисов тов. Ленина. Мы их со всех сторон продумывали, а продумав, вырастали и становились сильнее и упорнее.

Эти собрания заинтересовали не только партийных, но и беспартийных, и скоро вместе с нашими товарищами из разных концов города стали приходить на эти собрания уже группами, словом, эта чайная стала нечто в роде „дискуссионного клуба". К половине июня на этих собраниях стали появляться кроме рабочих и солдаты из разных частей. Они же послужили толчком к тому, что на местах, на фабриках, отчасти и в казармах начали создаваться группки товарищей, и в комитет стали поступать заявления о том, чтобы приходить к ним на места поговорить. Стали чаще прибегать в комитет за книжками, за газетками, за разрешением текущих вопросов, стали извещать комитет

о своих общих собраниях и ставить наши доклады на них. С этого времени я, Костяков и Ушаков начинаем ежедневно путешествовать с фабрики на фабрику.

Ход событий к 20 июню вынудил все партии дать определенный ответ солдатским массам, нужно ли выступать на фронте или нет. Это событие приблизило для нас возможность отвоевывать Совет Солдатских Депутатов вместе с солдатскими массами. К этому времени наш лозунг—„против войны, против наступления, за мир без аннексий и контрибуций"—хотя и недостаточно глубоко проник в казармы, но часть солдат была уже полностью на нашей стороне; так, Морская Бригада после долгих обсуждений у себя на месте была полностью за наш лозунг, остальные части равнялись по ней.

21 июня Московский Окружной Комитет (большевиков) по вопросу о наступлении дал директиву провести демонстрации-протесты.

22-го июня Губ. Исп. Ком. вынес протест против смертной казни.

Уездный Совет в противовес меньшевикам решил провести демонстрацию. Меньшевики и эсеры, чувствуя свое поражение, растерялись, и были ни против, ни за демонстрацию, предполагая этим сорвать ее, т. к. настроение чувствовалось большевистское. Демонстрация, однако, состоялась, и главной частью демонстрантов оказалась Морская Бригада, артиллеристы и рабочие с фабрик. Началом демонстрации овладели мы, лозунги на знаменах везде оказались наши „Долой наступление", „Мир без аннексий и контрибуций", „Долой министров-капиталистов", „Долой смертную казнь", только у Морской Бригады между большевистскими лозунгами был один лозунг максималистов „Фабрики рабочим, земля крестьянам". Впоследствии мне пришлось раза два быть у них на собрании, выяснять неправильность этого лозунга. Меньшевистских лозунгов не было ни одного ни за поддержку Временного Правительства, ни за наступление и т. д. Маршрут этой демонстрации начался с выгона через Новую Мызу, по Нижне-Казенной ул., мимо Каштановской ф-ки к Занарской текстильной, где на углу при повороте на Варгинский мост должен быть митинг. К этому времени митинга меньшевики спохватились, что

упустили инициативу из своих рук и попробовали восстановить ее. Выступил Богатырев-меньшевик, но он успел сказать слов десять о войне, и его стащили с трибуны, устроенной из бочки типографами, и не дали говорить, после него выступал ряд наших товарищей,—Балашев, я и другие против войны, против наступления. Видно было, что солдаты стали на нашу сторону, недостача была лишь, что не все солдаты были на этой демонстрации. Во многих частях меньшевики и офицеры саботировали.

Результатом этого митинга было то, что заседание Солдатского Совета стало требовать обязательно докладчика от большевиков и на первом же заседании его мне пришлось выступать против Богатырева по вопросу о той же войне. Совет высказался за нас, меньшевики потеряли почву.

Конкретно завоевание наше выразилось в следующем: Солдатский Совет решил переизбрать Исполнительный Комитет, причем составляли его уже под нашим руководством. Человек пятнадцать активных солдат записались в нашу партию, так например, Романов, Твердохлебов и др. (фамилий которых не помню). Среди рабочих сразу усилился рост партийных ячеек, и сочувствующие стали переходить в партию.

В это же время проходили выборы в городскую думу. Мы использовали эти выборы на предвыборных собраниях. Помню, мы носились по собраниям, из одного пункта в другой, а их было, кажется, пять. В четырех пунктах на предвыборных собраниях удалось нам с Казачковым выступать, это первый пункт Новая Мыза—чайная, второй—район Каштановской Ф-ки, в школе на Нижне-Казенной улице, третий—чайная О-ва Трезвости у Занарской текстильной ф-ки, четвертый—Мужская гимназия,—Московская ул., а пятый пункт в районе Мараевской ф-ки. Наши противники долго не хотели включить окраины, населенные рабочими, в черту города, и урны из этих районов долго стояли запечатанными с поданными голосами. Большинства на этих выборах мы не получили, т. к. много рабочих было в деревнях, в виду летних остановок фабрик.

5. Укрепление ячеек на местах, подготовка к Окружной Конференции и VI С'езду партии

Запросы с мест от наших ячеек на пропагандистские силы все больше увеличивались. Обслуживать эти нужды становилось все труднее, тем более, что пропагандистских интеллигентских сил у нас почти не было, а с от'ездом тт. Бобровских и Мишина почти не осталось. В этом отношении нам помогал Моск. Окружной Комитет, откуда частенько приезжали лектора, и мы устраивали платные лекции, которые охотно посещались рабочими не только партийными, но и беспартийными.

К этому времени мы как раз получили книжку тов. Ленина „Политические партии в России и задачи пролетариата". Эта книжка самостоятельно читалась по ячейкам. Ее простота и ясность привлекала не только партийных, но и почти неграмотных беспартийных рабочих и на местах по фабрикам часто можно было застать чтение ее в пятишести местах одновременно. Одну из таких картин я застал однажды в чайной на Новой Мызе, где местах в четырех за столами сидели группки рабочих, и у каждой на столе была эта книжечка. Написанное в ней как-то магически действовало на рабочих и слышны были восклицания, удивления, или ругань на буржуазию или устанавливались факты из речей представителей правых партий, подтверждающие написанное в книжке. Месяц и другой учились по этой книжке, не отрываясь. Солдаты в некоторых казармах тоже читали ее группами, так это было в части, расположенной на углу против мужской гимназии и в Морской Бригаде. Наши члены ячеек, изучив эту книжечку, сразу выросли на целую голову и не лазили в карман за словом для пояснений. Стали завоевывать руководящую роль и в фабрике и на солдатской казарме.

К началу июля ячейки уже оформились. Ново-Мызенская была уже человек в 40-50 во главе с Тимофеевым И. Е., Ванюшиным и несколькими тт. из активной молодежи, на Текстильной-Занарской человек 25 во главе с Акининым и Летиным, на Штейнегеровской человек 20 во главе с Ры-

биным, на Рябовской человек 20 во главе с Гавриловым и Андриановым, на Мараевской человек 10-15 во главе с Дарьей Казаковой, на Каштановской человек 10, в Морской Бригаде человек 15-20, затем сборная ячейка при шестой батарее человек 10-15, при учебной команде человек 8-10 и в городе при самом комитете человек 25. Все эти группы-ячейки уже вели более или менее регулярную работу и держали регулярную связь с районным комитетом.

Связь с Моск. Окружным Комитетом была также регулярной. Его активными работниками были: Овсянников — председатель и руководитель работой Окружного К-та, т. Бобровская — секретарь, Соловьев, Беленький Гриша, Людвинская [1]), Барышников, Левшин, я, Полидоров, Сапронов, Ведерников и другие товарищи.

28-го июня, в среду, на экстренном заседании Окружного Комитета были поставлены следующие вопросы: 1) вопрос об Окружной конференции и Всероссийском с‘езде, 2) выборная кампания в органы местного самоуправления, 3) порядок выборов Окружного Комитета и 4) текущие дела.

На этом заседании решено было созвать Окружную конференцию на 9 июля. Представительство должно быть следующее: от 50 до 100 посылают одного делегата, дальше на следующие 200—еще по одному, таким образом от нашей организации, насчитывающей к этому времени пятьсот человек, должно быть три делегата. Здесь же решено до Окружной конференции провести уездные конференции.

Наша уездная конференция состоялась 2-3 июля, на нее ячейки присылали от 10 чел. одного делегата. Заседание конференции было в чайной О-ва Трезвости, в зале, где библиотека. Докладчиком от Моск. Окружного Комитета „по текущему моменту“ был тов. Мещериков Леонид Николаевич. На Окружную конференцию избрали три человека— меня, Казачкова и, кажется, Балашова. Мою же кандидатуру выставили и на VI с‘езд от Серпуховской Организации, т. к. мы имели право послать одного делегата.

Этот приезд Мещерикова мы использовали и для доклада по профессиональному движению, для чего специ-

---

[1]) Гриша Беленький и Людвинская во время июльских гонений на большевиков были избиты в Богородске и после этого оставлены на работе в Москве.

ально собрали представителей от фабрично-заводских комитетов для организации профессионального союза. Это послужило началом организации профессионального союза текстильщиков в Серпухове. Главным ответственным лицом за дальнейшую работу по организации профсоюза был Тимофеев Ал. Ив. — рисовальщик с Верхнего Двора, и вместе с ним еще 4 товарища, входившие в состав Правления.

Окружная конференция происходила 9-10 июля. Порядок дня ее был следующий: 1) Доклад о положении дел и работы в Московской Окружной организации, 2) пересмотр программы, 3) текущий момент: а) политический и б) экономический, 4) Учредительное Собрание, 5) Интернационал, 6) об'единение партий, 7) Устав Московской Окружной Организации, 8) земская кампания и 9) текущие дела.

Докладчиками на этой конференции были тт. Мещериков, Овсянников. Всех вопросов не обсудили. Были вынесены резолюции по текущему моменту, протест против травли т. Ленина и др. и о выборах в уездное земство.

Чтобы напомнить момент гонения и травли большевиков, я приведу резолюцию протеста, принятую на конференции:

„Московская окружная конференция РСДРП горячо протестует против наглой клеветы, выдвинутой против т. Ленина и др. членов партии революционной социал-демократии и требует, чтобы обвинения, выставленные против них, были гласно рассмотрены не следователями и судьями, поступившими на службу при самодержавном правительстве—специалистами по преследованию революционеров, а органами революции—Исполнительным Комитетом Совета Раб. и Солдат. Деп. с участием представителя от революционной с.-д. (т.-е. большевиков—И. К.) и чтобы все лица, запятнавшие себя клеветой, были преданы уголовному суду“.

Чтобы яснее были задания этой же конференции по работе в деревне, я приведу выдержки из резолюции по выборам в уездное земство:

„Московская окружная конференция, обсудив план работы в деревне при выборах в местное самоуправление (волостные и уездные) и Учредительное Собрание, полагает: наше влияние в деревне может распространиться с одной стороны через фабрички и фабрики, рассеянные повсюду в губернии, с другой — через рабочих, уходящих в деревни

из городов на праздники". Это указывало на то, что нам необходимо нужно было усилить связь города с деревней. Основными пунктами нашей платформы являлись по постановлению той же конференции, следующие:

а) Создание земельного фонда из всех земель — национализация его.

б) Скорейшее прекращение войны.

в) Переход власти в руки революционного пролетариата и беднейших слоев крестьян.

г) Контроль над производством и распределением и другие пункты нашей программы.

Вместе с этим конференция предложила повести эту работу путем специальной посылки товарищей по деревням для организации, пропаганды и агитации среди крестьян.

Со времени нашей уездной конференции, до Окружной конференции и до VI с'езда, который был назначен на 25 июля, события изменились, и перед нами главным вопросом был уже вопрос—как взять власть в руки Советов. В нашей организации по этому вопросу было одно мнение, что власть придется брать вооруженным путем, к которому и нужно готовиться. Этот путь напрашивался потому, что сопротивление фабрикантов хотя бы и малому вмешательству рабочих в производство с одной стороны, их упорство в улучшении условий труда и заработной платы с другой, невольно толкало на мысль, что стать хозяевами законодательства самим рабочим и крестьянам без драки, без оружия невозможно.

За это время взаимоотношения рабочих с фабрикантами еще более обострились благодаря одному обстоятельству в „Согласительной Комиссии". Дело это произошло таким образом: мне давно хотелось ознакомиться как следует с работой Согласительной Комиссии, я все время удивлялся, как это рабочие и фабриканты могли приходить к какому-то соглашению, и вот числа 15-го июля я попал на заседание ее и попал очень удачно, т. к. на этом заседании, кроме самой Согласительной Комиссии из пяти рабочих и пяти фабрикантов, было много представителей от фабрично-заводских комитетов. Это заседание было по вопросу о надбавке на дороговизну, обсуждавшемуся уже месяца полтора. Настроение у всех было повышенное. Фабрикант Рябов до-

казывал о невозможности дать прибавки по пять копеек на рубль, в виду большой платы налогов ими (фабрикантами), причем ссылался на последнее постановление Временного Правительства о налоге на доходы (на прибыль), который им предстоит платить, и соглашался с рабочими на надбавку в три копейки. Он показывал им напечатанное постановление. Остальные фабриканты — Мараев, Шибаев, Игнатов и представитель от Коншина ухватились за эту мысль и тоже уперлись на трех копейках. Довод их оглушительно подействовал на рабочих, и они чуть было не сдались. Я попросил себе слова. Маршалов, увидя меня, дал мне слово, и я рассказал, что фабриканты будут платить за прибыль 1916 г., в виду падения ценности денег, только 1/10 часть того, что им пришлось бы заплатить в январе 1917 г., т. е. вместо ста рублей фактически 10, и что цифра-то может быть и велика, а суть-то ее в десять раз меньше, и что процедура с этим подоходным налогом на прибыль фабрикантов есть втирание очков рабочим. После этого Маршалов и другие, сидящие с ними за столом, с громкими криками вскочили с мест, и дело одурачивания рабочих со стороны фабрикантов сорвалось. Фабрикант Рябов обозлился (он был в офицерской форме какого-то уланского или драгунского полка со шпагой и револьвером). Он ухватился за шпагу, не то за револьвер и поднялся на меня, говоря—„он шпион, выдает тайну государства, я его сейчас же арестую, он посторонний человек сюда попал“. Рабочие же меня хорошо знали еще мальчиком и, конечно, не могли поверить этой выдумке. В это время Маршалов грохнул кулаком по столу, накинулся на него, подставляя кулаки к носу, остальные рабочие, сидевшие вдали на скамейках, тоже встали и стали подвигаться к столу. Поднялся гул, крики—„они нас все время за нос водят, вон их отсюда“. Фабриканты струсили, т. к. улизнуть было некуда, постарались согласиться на пять копеек и оформить согласие окончательно на первом собрании Президиума.

Присутствующие рабочие получили наглядный урок, как и за что буржазия печет германских шпионов из большевиков. Это заседание было последним. По всем фабрикам о случившемся на нем было рассказано, и с этого времени

всякие соглашения с фабрикантами кончились. Комиссия распалась.

К этому времени и Исполком Крестьянских Депутатов еще ничем себя не проявлял, т. к. эсеры могли еще заговаривать зубы представителям волостей будущими общинами и благами от предполагаемых волостных земств, в которых начиналась компания по выборам, и таким образом держали их еще под своим влиянием. Пребывание крестьян в Исполкоме было для них небесполезно, и некоторые из них за это время почти изучили весь уезд, знали, где какие помещики и полупомещики, и поскольку у них земли, чего в пятом году они не могли знать, так как никакой уездной организации у них не было.

Вопрос о земле для них становился все больнее, а наше разрешение этого вопроса стало до них доходить через городских рабочих, разрешение же его по нашему значило — самим крестьянам отбирать ее у помещиков.

Таким образом обстановка создалась такая же, как в 1905 году, т.-е. необходимость вооруженного восстания за власть Советов и только посредством такой власти улучшить экономическое положение и рабочих и крестьян— разница была лишь в том, что и у рабочих, и у крестьян и у солдат, кроме наших партийных организаций, были еще легальные организации, Советы, которые к этому времени еще не вполне осознали того, что они будущие органы власти, кроме того было больше надежд на поддержку солдат в этом деле.

Нам на местах в связи с поворотом меньшевиков и эсеров к буржуазии после июльских событий работать практически в одних организациях с ними было очень трудно, почти невозможно.

Такая обстановка создалась в половине июля во всех районах, что видно хотя бы из резолюции, вынесенной в это время на собрании представителей от Центрального К-та, Петроградского К-та, Московского Комитета и Моск. Обл. Бюро РСДРП (большевиков), в 10 пункте которой пишется следующее: „задачей пролетарской партии при таких условиях (т.-е. когда буржуазия стала контр-революционной, а меньшевики и эсеры повернули к ней. И. К.) является

разоблачение всяких контр-революционных мероприятий, беспощадная критика контр-революционной политики мелко-буржуазных вождей, укрепление позиции революционного пролетариата и его партии, подготовка сил к решительной борьбе за осуществление программы партии...." и дальше там же „этот период подготовки и накопления сил требует от партии всех организационных возможностей".

Вот в такой-то обстановке мы готовились к VI с'езду нашей партии.

6. VI С'езд партии. Полное отвоевание Совета Раб. Деп. от влияния меньшевиков

На VI-й С'езд от Московской Окружной Организации было послано всего 8 человек, выбранных на прошедшей конференции. Он должен был быть в Петрограде (Ленинграде), явка нам была дана в Петроградский Комитет. Выехали мы с тов. Левшиным—делегатом от Коломны—22 июля. Когда заявились в Петроградский Комитет, то сразу наткнулись на тов. Свердлова, которого я до сего времени лично не знал (знал только по литературе). Он, как видно, был в предс'ездовском горячем настроении: вникал во все мелочи, даже проверял точно-ли дали адреса для ночевки. Мы попали на квартиру одного товарища—токаря с Обуховского завода, он поделился с нами, провинциалами, столичными новостями, при чем говорил о невозможной травле на нашего брата, поднятой Керенским, и указывал, что нам нельзя открыто где-нибудь ночевать и показывать себя, что мы большевики—с'ездовцы, а то заберут. Шпики Керенского уже нащупывали наши собрания, и нам—всему с'езду, приходилось почти каждый день менять помещение. Помещение, в котором происходило первое заседание с'езда 25—26 июля, было похоже на протестантскую молельню (церковь). Когда мы пришли туда, то в первую очередь столкнулись с тов. Веселовским (зверски убитым впоследствии в Польше). Мы его еще не знали. Вид у него был вроде церковного старосты, и мы думали, что ошиблись—не туда попали и чтобы не выдать себя—вышли. Проверили адрес. Адрес оказался правильным, и мы сообразили, что

с‘езд был законспирирован. Рассказали ему о случившемся и вместе посмеялись.

На первом заседании был выбран Президиум, выработан порядок дня. С‘езд открывал тов. Ольминский, и тут же был вынесен протест против травли тов. Ленина и держания в тюрьмах т. Каменева и др. Выступали: тов. Юренев об оформлении и присоединении межрайонцев к большевикам; Ларин о том, что их левая часть группы, не расходясь в тактике с большевиками, сейчас не присоединилась только потому, что хочет, чтобы и правая часть их также вошла в нашу партию. Выступал т. Свердлов с докладом от Организационного Бюро по с‘езду, приводя ряд данных о присоединении многих организаций близких к нашей партии, о появлении новых организаций во многих местах, а равно и о росте самой партии. После этого приступили к порядку дня: докладам с мест.

В промежутке между докладами с мест пришел т. Сталин и сообщил нам, что хотя с‘езд происходит без тов. Ленина, который принужден скрываться, но что все решения на с‘езде, а также и его мнения по всем вопросам с‘езд будет иметь, т. к. мы будем иметь ежечасные сношения с ним. После этого мы были уверены, что он все знает и как бы присутствует на с‘езде. На другой день тов. Сталин делал доклад „О работе Центрального Комитета за период от апрельской конференции“, а также доклад „О текущем моменте“.

Результатом работы с‘езда оказалось, что линия ЦК вполне совпадала с линией и резолюциями мест, и что в дальнейшем пролетариату и крестьянству неизбежно придется столкнуться с буржуазией, и что нашей партии предстоит задача организации рабочих и крестьян к решительному наступлению против буржуазии.

В половине августа на одном из расширенных заседаний Совета Раб. Деп. в Серпухове был поставлен вопрос о Бирже труда. По этому вопросу из Петрограда (Ленинград) приезжал специальный докладчик-меньшевик. Он выдвигал паритетные Биржи труда, т. е. в правлении которых должен быть фабрикант, представитель рабочих и третий, выбранный ими двумя. Само заседание было торжественно обставлено меньшевиками. Они хотели, повидимому, добиться того,

чтобы предложение приехавшего агента от Министерства Труда было торжественно принято и, так сказать, с помпой устроить ему проводы. После его доклада выступали Богатырев и Кустарев, разжевывая пригодность такой Биржи. Наше построение Биржи было исключительно из рабочих, без каких бы то ни было фабрикантов и их посыльных. Мне пришлось выступить против их предложения и за Биржу из рабочих. Я постарался разоблачить все неудобства для рабочих паритетной Биржи и доказывал, что под равенством здесь маскируется сохранение воли фабриканта в найме. Разоблачение это было довольно удачным, головка меньшевиков при голосовании осталась совершенно одна,—все рабочие голосовали против их предложения. Рабочим казалось странным, для чего меньшевики так усердно отстаивают фабриканта в правление Биржи. Докладчик пыхтел и защищал свое предложение, но в конце-концов с большим провалом довольно скромно уехал, откуда приехал. Этот момент окончательно вырвал всякое доверие у рабочих к меньшевикам, создался кризис Исполкома, и переизбранный Президиум был целиком из большевиков, а Исполком из большевиков и сочувствующих им. Рабочие в дальнейшем часто сами стали давать отпор выступающим меньшевикам. Работа Совета с этого времени изменилась, стали ставиться на повестку дня другие вопросы, связь с фабриками укрепилась прочнее.

7. Контр-революционеры (тоже черносотенцы) готовили погром и поворот назад. Отвоевание Исполкома Крест. Деп. и крестьян от эсеров

После петроградской демонстрации 4 июля, начиная с 5—6 июля, военная клика контр-революционеров начала вводить свою диктатуру: закрывать наши партийные газеты и журналы, громить помещение редакций, правлений профсоюзов, партийные-большевистские типографии; травить большевиков, выдавая их за германских шпионов, направляя свой удар на голову пролетариата—тов. Ленина, производить аресты в военных частях, увлекая в этой борьбе за собою и все мелко-буржуазные партии. Чтобы окончательно

укрепить свою диктатуру, контр-революционеры собрали 12 августа в Москве, так называемое „Демократическое Совещание“, а фактически не демократическое, а совещание представителей буржуазии и полубуржуазии.

Это „Демократическое Совещание“ помогло сговориться контр-революции и выдвинуть в качестве будущего диктатора и экзекутора рабочих, крестьян и солдат генерала Корнилова, который 27 августа выпускает возвание „Ко всем гражданам и войскам“, призывая на защиту родины и спасение революции, а по существу для об‘единения черносотенцев и как сигнал для погромов Советов на местах.

Наше отношение к „Демократическому совещанию“ было—бойкот его и демонстрация против него, как заговора против рабочих и крестьян.

Черносотенное и контр-революционное движение в 1917 году нас в Серпухове не миновало, как же и в 1905 году.

За август месяц к нам в Серпухов навезли новые части войск, откуда не знаю. Эти части почти не были политически обработаны и были слишком отсталыми. Мы на месте не успели еще поработать над их сознанием. Черносотенцы этим воспользовались и усердно вели агитацию среди них за погром. И вот, в конце августа начался разгром пивоваренного склада на Дворянской улице, по пути к вокзалу. Удержать погром было трудно. Выставленный во время погрома караул был увлечен попойкой и сам принимал участие. Растаскивание вина и пива происходило дня 4—5, выпивка шла довольно изрядная. Однако сознательные части войск и рабочих втянуть в эти погромы черносотенцам не удалось.

Наша организация употребила все силы для того, чтобы удержать солдат и рабочих от этого пути. Борьба с этим была оригинальна. Часто принесенное пиво или вино в казарму торжественно выливалось в помойную яму по пожеланию общего собрания. Так было в Морской Бригаде, в учебной команде и некоторых других частях.

Таким образом погром не удался и кончился разгромом только одного, хотя и довольно вместительного склада. Рабочие и значительная часть солдат отнеслись к этому вполне

сознательно, чуя в этом деле провокацию. Во многих других местах начатые таким способом погромы кончились разгромом Советов и избиением сознательных рабочих и солдат.

К этому же времени обострилось дело с продовольствием. Рабочим стало нехватать его, тогда как все остальное буржуазное население было вполне обеспечено. Это заставляло некоторые группы рабочих выходить на улицу кучками и поругиваться. Однажды около Сериковских казарм большая толпа рабочих во главе с женщинами вышла из ворот спален казармы с крупными разговорами о недостаче продовольствия. Кто-то сообщил начальнику гарнизона об этом и он сам с отрядом казаков выехал к этому месту. Один казак хлестнул нагайкой женщину за то, что она назвала их дармоедами. Произошел скандал и отряду пришлось напором вталкивать рабочих в ворота казармы. В этот раз не избили рабочих потому, что во время вмешался Президиум Совета Рабочих Депутатов и настоял на уводе войска, а также потребовал, чтобы без его представителя никакого войск впредь не выставлять. Оказалось, что распоряжение это было от „пятерки", созданной для борьбы с контр-революцией. В эту „пятерку" тогда и командировали меня от Совета Раб. Деп. для контроля, но скоро она окончила свое существование и была заменена Революционным Комитетом.

Надвигались выборы в уездные и волостные земства. Они были назначены с 10 по 17 сентября. По этому поводу был в виде предвыборного собрания созван Совет Раб. и Крест. Деп., при чем на это заседание делегаты от крестьян приезжали с мест в большом количестве. Эсеры решили на этом собрании подготовить крестьян к выборам и выдвинуть свою платформу о земле. Докладчиком от них был Кустарев. Он долго развивал теорию общин, туманную теорию о том, как будущее Учредительное Собрание решит вопрос о земле, и что если в нем будет больше представителей партии с.-р., то земля крестьянам будет обеспечена.

В нашей газете „Социал-Демократ" по этому вопросу была очень простая статья Овсянникова, разоблачающая и эти общины и надежду на будущее Учредительное Собрание, как на втирание очков крестьянам против захвата ими самими земель. Я воспользовался этой статьей, выступил со своей платформой и сказал, что мы предлагаем брать

землю крестьянам сейчас же, вопрос о пользовании ею решать во время захвата и после захвата, сказал о том, что в одну общину богатых и бедных не об'единишь. Привел некоторые цитаты из указанной газеты. После моего выступления стали выступать и крестьяне, их долготерпению пришел конец. Все выступающие держали нашу руку, и докладчику не дали заключительного слова. Приняли наше предложение, и дело это кончилось кризисом Крестьянского Исполкома. Его пополнили новыми товарищами из крестьян, кажется, Архиповым и Жундриковым, которые вскоре вошли в нашу партию. С этого же времени Крестьянский Исполком стал чаще сноситься с нами. Крестьяне-делегаты, уехавшие к себе на места, поняли, что если они отберут землю у помещиков, то получат нашу поддержку в этом, о чем до этого заседания Совета у них не было никакой уверенности—наоборот, скорее они ожидали экзекуции сверху.

Вскоре после этих событий, к октябрю месяцу, Совет Рабочих Деп. из комнатки в городской думе переехал в дом Добрынина, и в него влился Совет Солдатских Деп. Исполкомы работали вместе. Это было потому, что политическая линия их вполне совпадала и еще потому, что Совет Солд. Деп. чувствовал руководящую роль со стороны Совета Раб. Деп. Заседания стали проходить совместные. На заседаниях стали чаще бывать крестьяне из Исполкома Крест. Деп., да и с мест тоже. Работа увеличилась и осложнилась для нашей организации. Актив нашей организации разрывался на части.

8. Переход власти в руки Советов, создание Революционного Комитета

Числа 7—8 октября в здании Московского Совета было созвано собрание Областного, Московского и Московского Окружного Комитета (большевиков), на котором обсуждался вопрос брать или нет в свои руки власть. Из всех докладов по этому вопросу видно было, что дальше тянуть нельзя. Меньшевики и эсеры вместе с Временным Правительством явно сводили на нет работу Советов. Решено было от слов приступить к делу и там, где уже подготовлено все, брать власть в руки Советов.

После собрания, в этот же день, было заседание Моск. Окружного Комитета в Дрездене, на котором обсуждался вопрос – кого выдвинуть руководителем восстания по Московской губ. Выдвинут был тов. Барышников и еще двое товарищей для связи. Все же остальные раз'ехались по местам.

Я поехал в Серпухов, где собрал комитет с активными товарищами, почти со всех фабрик Серпуховского района. На этом собрании решили созвать Совет Раб. Деп., ознакомив на местах членов Совета и рабочих фабрик с положением дела и что на Совете придется решать вопрос о взятии власти и о создании Революционного Комитета. Наметили кандидатов в Революц. Комитет от нас—большевиков. Обсудили вопрос—какой линии держаться по отношению к максималистам, которые еще некоторую роль играли в Совете Солд. Деп. Зная, что они шли с нами, везде нас поддерживали, мы решили ввести и от них представителей в состав Револ. Комитета. Руководителей меньшевиков и эсеров в Совете уже не было. Революционный Комитет предполагался из 4 большевиков и 3-х максималистов.

На этом же собрании было выяснено—какие воинские силы могут быть на нашей стороне. Главной опорой была Морская Бригада под руководством Балашова и Суровегина—максималиста, впоследствии члена нашей партии, и учебная команда под руководством тов. Романова.

Началом общего переворота послужило наступление контр-революционеров, как-то: разгром Калужского Совета числа 23 октября, приказ о закрытии наших газет в Петрограде (Ленинграде) и т. д. Разгром Калужского Совета и сообщение нам о том, что контр-революционные войска движутся на Серпухов, а затем и на Москву, поторопило нас с разрешением вопроса о взятии власти, и 24 октября собран был Совет Раб. и Солд. Деп. и часть Крестьянского Исполкома.

На этом заседании Совета поставлен был вопрос о взятии в свои руки власти в Серпухове. Меньшевики и эсеры заняли соглашательскую политику и были не за свержение Временного Правительства и не за активную помощь большевикам. Совет высказался за отобрание власти и, в случае надобности, за вооруженную борьбу с Временным Прави-

тельством. Тут же был избран Революционный Комитет, предложенный нами для разоружения существующих властей. Под конец этого заседания приехал товарищ из Подольска, и, передав привет от Подольского Совета, сообщил, что подольские рабочие также постановили активно бороться за свержение Времен. Пр-ва. Это собрание происходило в помещение Совета. На этом же собрании создали, нечто, в роде института комиссаров, ответственных за каждую фабрику и за каждую воинскую часть, они же служили для ежедневных связей с Револ. Комитетом.

Партийных руководящих сил у нас в это время было немного, и нашему комитету пришлось поместиться около Рев. Комитета и Совета. Все мало-мало способные товарищи с этого времени разрывались по фабрикам, воинским частям и нашим собственным заседаниям.

На следующий день Революционным Комитетом был издан приказ о том, что вся власть перешла в руки Совета и Рев. Комитета. Затем было решено взять в свои руки управление войсками, поставить своих товарищей для наблюдения в канцелярию воинского начальника, начальника гарнизона и расскассировать управление гражданского комиссара.

Мне лично самому пришлось брать канцелярию гражданского комиссара, при чём сам комиссар Макаров уехал в Москву, оставив своего заместителя Богатырева. С начальником гарнизона Болотниковым случилось то же самое,— он уехал в Москву и остался его заместитель Горбачевский. Нужно думать, что они безнадежно бежали.

Товарищи, начавшие работать в военных канцеляриях, часто забегали ко мне в Совет или Комитет, морщились и жаловались, что ужасно скверно чувствуют себя среди бывших офицеров, никак не могут найти общего языка с ними и все как-то говорят по разному. Мы понимали, что местные черносотенцы и белогвардейцы нам не страшны, потому что рабочие и лучшие войска на нашей стороне. Это понимали и они и видели, что всякая открытая борьба с нами бесполезна, но, конечно, саботаж они применяли в полной мере.

9. Захват оружия и помощь Москве

В этот же день, 25-го октября, учебная команда, предложив свои услуги по охране Совета, завладела одним из складов оружия, которое было поручено ей же охранять. Этим оружием было вооружено много преданных рабочих и крестьян из Исполкома. Активная группа, человек 80, была вооружена еще задолго до этого события револьверами, принесенными тайно из воинских частей Романовым и Серебренниковым.

В этот день заняли почто-телеграф, послали туда максималиста Анищенко. Все посылаемые белогвардейские телеграммы о высылке частей войск для их поддержки в Москву попадали в наши руки, и из этих сведений мы следили за нашими успехами или поражениями. Заняли Казначейство, ответственность возложили на тов. Казачкова, нашего необыкновенно-изворотливого финансиста, погибшего в январе 1920 года от тифа.

Учебная команда и Морская Бригада несли гарнизонную службу по нарядам и проч., остальные воинские части, как-то: пехотный полк, артиллерия несли только свою внутреннюю службу. Когда наши в Москве временно захватили телеграф, мы получили извещение тов. Муралова—выслать надежные части. Решили послать Морскую Бригаду и мобилизовать красногвардейцев с фабрик. Собрали уполномоченных комиссаров частей и фабрик и договорились с ними о посылке. На следующий день приготовили к отправке организованную часть 200 человек из Морской Бригады в полном военном походном снаряжении. Командиром ее был Балашов. 150 красногвардейцев из рабочей молодежи, вооруженных оружием со склада, отнятого 25 октября, под командою тов. Романова. Учебную команду мы оставили для несения гарнизонной службы и как защиту на случай восстания белогвардейцев.

Когда все отправляемые были выстроены у здания Совета, мне пришлось об'яснить им, что от нас требуется в данный момент, что происходит в Москве, и что им предстоит делать там; может быть, многим из них не придется

возвратиться. Все они были бодрые и уверенные в нашей победе и со знаменами „Да здравствует Советская власть“, „Долой Временное Правительство“ двинулись на станцию, а затем на помощь в Москву. Туда они прибыли 1—2-го ноября и, как оказалось, очень кстати, т. к. в Москве товарищи уже около недели сражались без сна и отдыха с белогвардейцами.

Вернувшиеся впоследствии товарищи рассказывали о том, что часть из Морской Бригады принесла большую пользу, как артиллеристы, а остальные боролись в окопах на Неглинном.

10. Проезд сербских войск на Москву. Контроль над производством и саботаж фабрикантов

На другой день после отправки воинских частей в Москву, приблизительно в 2 часа ночи, я, дежуривший в Совете, получил известие о том, что на ст. Тарусская, в 22 верстах от Серпухова к Туле, прибыло два эшелона войск. Эти войска впоследствии оказались сербскими. Положение создалось неладное; наши надежные части отправлены в Москву, а также неизвестно было зачем направляются сербские войска в Москву. От меня со станции Серпухов требовали определенных распоряжений, что делать с этими войсками. Пришлось предложить задержать их хотя бы на один час, а тем временем приготовить некоторую охрану около железнодорожного моста через Оку, укрепить вокзальную часть и выслать разведку. Все это удалось сделать. Кроме того, удалось переговорить с Москвою с тов. Мураловым и получить распоряжение о том, чтобы эти войска как можно дольше задержать, а для этого решили погонять по запасным путям. Через наших разведчиков мы узнали, что войска направляются в полном вооружении в Архангельск для отправки на родину, при чем у них было много офицеров, из которых трое хорошо говорили по русски. Удалось также узнать и то, что они как будто хотят держаться нейтралитета, но нам не верилось, почему именно в этот неудобный момент их кто-то направил к Москве.

Продержав их на станции Серпухов около четырех часов, мы созвонились с Подольском, чтобы они в свою очередь их также задержали. В течение этого времени мы получили из Москвы распоряжение о том, что их можно направить в Москву. Выехали они от нас уже часов в 8 утра и прибыли в Москву к 6 часам вечера. В Москве, повидимому, железнодорожникам уже было дано распоряжение, и их дня два или три катали вокруг Москвы и потом направили в Архангельск.

События в Серпухове развертывались все быстрее, и классовые противоречия все обострялись. Ко мне часто приходили товарищи с фабрик и спрашивали о том, как быть с фабриками, не пора ли выгнать их владельцев. Поэтому этот вопрос был поставлен на обсуждение Совета, и решили ввести контроль над производством, для чего на всех фабриках выделили товарищей из завкомов, в виде контрольных.

Здесь началась борьба за производство. Как только рабочие попробовали приступить к проверке карманов капиталистов, начались с их стороны сопротивление и саботаж в самых разнообразных формах: укрывательство книг, запутывание концов—нельзя было узнать, откуда берется сырье и проч., и куда, что и на какую фабрику передается. Начались тайные вывозы товара, сырья и материалов. Чтобы побороть это, пришлось прибегнуть к Революционному Трибуналу — пролетарскому суду.

В Москве к этому времени борьба совершенно закончилась. Белогвардейцы были разбиты. Власть полностью перешла в руки Советов.

11. Приказ по Казначейству. Вопрос о солдатках и безработных. Выборы в Учредительное Собрание

Как только закончились военные действия, Советом Народных Комиссаров было издано обращение ко всем рабочим, крестьянам и правительствам воюющих стран о прекращении войны и заключении мира; изданы декреты о социализации земли, о введении контроля над производством, о введении 8 часового рабочего дня; вслед за этим были разоблачены и обнародованы тайные договоры царя с дру-

гими царями и королями. Практически был поставлен вопрос о демобилизации армии и назначены были выборы в Учредительное Собрание на 19—21 ноября.

У нас на месте, к средине ноября выдвинулся вопрос со стороны крестьян, как поступать с поместьями, со скотом, с инвентарем и с самими уцелевшими помещиками. Вставал вопрос как все это учесть и кто должен распоряжаться этим. Начали создаваться земельные комитеты в волостях для более планомерного отобрания и распределения указанного. В городе остро стал вопрос об оплате рабочим жалования, солдаткам и безработным пособия. Это толкало на мысль о сохранении и экономии денег в Казначействе и частном Коммерческом банке; тем более, что все, у кого были вклады, старались их забирать. Нам пришлось ограничить выдачу денег 10 рублями в месяц и самую выдачу производить по разрешению члена Президиума только рабочим, крестьянам и беднякам горожанам. В этом деле, в регулировании денег, нам помог сочувствующий нам, большевикам, помощник начальника Казначейства, как специалист. При его содействии Революционный Комитет издал по этому поводу постановление, какие деньги конфискуются и не будут выдаваться (наследственные, дарственные, за церковные и монастырские земли, внесенные арендаторами, пенсионные офицерам и генералам и т. д.). Все сбережения, заработанные своим трудом, останутся целы и сохранны. Это постановление сократило поход за деньгами, и мы могли выдавать заработную плату рабочим. Несколько хуже обстояло с пособиями солдаткам, полученные деньги для них старой Земской Управой были ею израсходованы на что-то другое, ждать же до другого получения было трудно, так как большинству нечего было есть. Это обстоятельство заставило нас взять в свои руки Земскую и Городскую Управы, которые приняла комиссия, избранная Советом. Солдаткам пришлось выдать из сумм Совета Раб. Деп., что было поручено Романову и Плотникову. Вопрос о безработных был разрешен очень просто за счет фабрик, т.-е. пришлось человек по 10 — 20 поставить на работу по двору и на другие подсобные работы по фабрикам, а остальным время от времени давать помощь от Союзов. Таким

образом, острая нужда общими усилиями рабочих изживалась.

Дело подходило к выборам в Учредительное Собрание. Меньшевики и эсеры, ранее не торопившиеся с выборами его, теперь, отстраненные от власти, стали торопиться. Они питали надежду—при помощи Учредительного Собрания возвратить свое потерянное господство. Буржуазия также имела на него надежду. Интересы мелко-буржуазных партий совпали с интересами всех контр-революционеров, так же как совпадали они на деле и раньше по всем вопросам. Однако, надежды их с ходом выборов стали разбиваться об огромное сочувствие рабочих, солдат и крестьян большевикам и Советам.

У нас в Серпухове 90% всех голосов было подано за список № 5 (большевиков) и только 10% голосов за буржуазные и мелко-буржуазные партии. Такое голосование было почти повсеместно. Это голосование решило, что рабочие и крестьяне, т. е. большинство народа, хотят того, что предлагают большевики, а большевики предлагали, чтобы власть была доподлинная рабочих и крестьян и что этой властью являются их Советы — Советы Раб. и Крест. Депутатов.

К моменту созыва Учредительного Собрания 4-5 января 1918 года, когда экономические требования нашей программы были уже проведены в жизнь, когда рабочие уже работали 8 часов, крестьяне начали брать землю помещиков в Земельные Комитеты, мир был предложен всему миру, разоблачались тайные договоры царя; контроль рабочих над фабриками укрепился, и они подготовлялись к отобранию фабрик, Советы не только не тормозили, но помогали в этом деле; сами рабочие и крестьяне сделались работниками и хозяевами своей страны,—возврат при таких условиях к Учредительному Собранию для них был возвратом назад. Учредительное собрание уже потеряло свое значение. Жизнь продвинулась вперед, и оно должно было умереть. 5 января 1918 года оно, по постановлению С'езда Советов, было распущено. Лозунг „Вся власть Советам Рабочих и Крестьян" оказался единственно жизненной и лучшей формой Союза рабочих и крестьян.

Революция 1905 года родила союз рабочих и крестьян и начальные формы этого союза—Советы.

Революция 1917 года сделала этот союз победителем над царем и буржуазией.

Этот же союз под руководством партии большевиков в дальнейшем отбил все атаки контр-революционной буржуазии капиталистических стран; этот же победоносный Союз зажег пожар социалистической революции в других странах, побудил рабочих и крестьян некоторых капиталистических стран сбросить своих кровавых царей и королей, он несомненно в дальнейшем в своем росте сознания и сплоченности построит коммунистический строй под руководством III Коммунистического Интернационала, основанного на учении нашего великого вождя тов. Ленина.

25/VIII-25 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ДВА НЕЛЕГАЛЬНЫХ ЛИСТКА, ИЗДАННЫХ В 1905 ГОДУ СЕРПУХОВСКОЙ ГРУППОЙ РСДРП

Ж. А. 5771.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ

Г. СЕРПУХОВА

Товарищи, зарево начавшегося восстания, зарево от пожаров и пролитой крови нашей братии во всей России еще не осветило вам всех ужасов положения нашей родины, гибнущей в стонах и муках, в цепких лапах проклятого зверя—царского самодержавия. Вы не стремитесь пробиться к свету и правде и продолжаете погрязать во мраке темноты и невежества. Меж тем, как глаза всех окраинных рабочих, проливших и проливающих море своей благородной крови в борьбе с царем и его войсками, устремлены на сердце России—Москву и ее округ. Все ждут вот-вот и вы подниметесь на борьбу, как поднялись все, в том числе и ваши соседи-товарищи герои иваново-вознесенцы, уже полтора месяца выдерживающие борьбу, несмотря на расстрелы и насилие со стороны царских баши-бузуков, казаков. Теперь все дело за вами, решительный удар самодержавию зависит от вас, вы этого не хотите понять, а вот ваши фабриканты и царская полиция хорошо понимает это и, пользуясь вашей темнотой, они хотят отвлечь от себя праведный гнев ваш. Они придумали использовать вашу религиозность и начали беспрерывно служить молебны с колокольным звоном, музыкой и торжественными шествиями по улицам Серпухова с портретом царя и царицы и вы в простоте душевной молитесь о том, чтобы были побеждены внутренние враги, чтобы царь-убийца петербургских, иваново-вознесенских, рижских,

кавказских, варшавских, лодзинских, одесских и многих других рабочих здравствовал на гибель России, чтобы его опричники еще и еще убивали, жгли и насиловали новые тысячи русских рабочих и крестьян. Директора и фабриканты чрезвычайно довольны. Они издеваются над вами, глумятся над вашей простотой, расчитывают тех, кто не хочет платить на молебны, так на Новенькой ф-ке расчитали через два часа после отказа. Они и полиция распустили также слух, что явятся студенты с бомбами и будут жечь и грабить рабочие каморки и балаганчики и вы опять поверили, вы начали перетаскивать свой убогий скарб из балаганчиков и коморок и в страхе и трепете провели эти ночи. Неужели вы еще не понимаете, что все это обман, ложь, гнусная ложь. Неужели вы не понимаете, что те студенты, которые желают рабочим добра не грабители и не разрушители вашей собственности. Они добиваются вместе с вами лучшей доли, лучшей жизни для вас и всегда говорят, что сила вся в вас—рабочих, а не в них—студентах. Только вы сами завоюете себе счастье. Администрация фабрик у Коншина, дела которой, благодаря борьбе рабочих с фабрикантами в других местах, идут великолепно, так боится забастовки, что едва только пронесся слух, что вы забастуете, как сейчас же поспешили вывесить об'явление о выдаче заболевшим и роженицам половину заработной платы, но помните и поймите, что это не благодеяние, как некоторые из вас думают, а это уступки, купленные кровью ваших товарищей, которые бросили вам, чтобы еще раз обмануть вас. Товарищи, собирайте сборы не на толстобрюхих попов, а на голодные желудки товарищей Иваново-Вознесенска. Собирайтесь толпой не на молебны, а на свои рабочие собрания, вырабатывайте требования и бастуйте. Покажите фабрикантам, что они не затуманили вам голов молебнами, что вам необходим и 8-ми часовой рабочий день и повышение расценка, хитро пониженный. Покажите, что механика с „сатином“, который перекрестили „нанбуком“, для вас ясна. Покажите им, что вам нужны и свобода печати, собраний, слова, союзов, стачек—одним словом политическая свобода. Покажите им, что вы готовы до конца бороться с ними за социализм, за полное уничтожение власти капитала над вами. Покажите

также и правительству, что вы понимаете, что только уничтожив самодержавие и воздвигнув на его месте демократическую республику, вы скорее добьетесь социализма. Да здравствует свет и скроется тьма, распрямите спины, поднимите головы и бастуйте!

Да здравствует ваша борьба!

Да здравствует социализм!

Долой самодержавие, царя и иго капитала!

Серпуховская группа Окружной Организации Московского Комитета РСД Рабочей Партии.

Типография Окружной Организации.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи, не так давно депутаты с Новой Мызы ездили к Коншину с просьбой удовлетворить часть нужд рабочих. Все мы знаем, чего они добились. Всем нам стало ясно, что просьба и ходатайство, как перед ц рем, так и перед капиталистами не приводят ни к какому улучшению нашего быта, что только борьбой, стачкой мы можем заставить их выполнить наши нужды, защитить свои интересы. Поэтому, товарищи, собравшись и выработав требования, мы решили стачкой добиваться удовлетворения их.

Вот наши требования:

1. Восьми-часовой рабочий день.
2. Перед праздниками рабочий день шесть часов.
3. Отмена ночных работ, кроме технически-необходимых. Выдача платы за эти работы в ночное время увеличенное вдвое.
4. Увеличение заработной платы мужчинам на 50%, женщинам и подросткам на 100%.
5. Полная плата за время болезни.

6. Выдача пенсии потерявшим способность к труду вследствие слабости, старости, болезни и т. п. не менее 15 рублей в месяц.

7. Выдача заработной платы еженедельно по отделениям в рабочее время.

8. Уравнение заработной платы для работающих на широких и узких станках.

9. Выдача расчетных книжек за два дня до получки.

10. Назначение расценка на товар комиссией из рабочих и администрацией поровну от обоих сторон.

11. Учреждение выборных комиссий от рабочих и администрации поровну для разрешения всех недоразумений между администрацией и рабочими.

12. Запрещение удалять рабочих по желанию мастера и других.

13. Отмена штрафов и запрещение администрации производить вычеты из заработной платы по исполнительным листкам, на Красный Крест, на молебны и прочее.

14. Уничтожение сдельных и сверхурочных работ.

15. Беспрепятственный доступ на фабрику рабочим, опоздавшим на работу.

16. Более свободный проход между станками.

17. Увеличение тележек для возки в прядильном и чесальном отделениях.

18. Запрещение пользоваться женским и детским трудом для перевозки тяжестей.

19. Запрещение администрации пользоваться трудом рабочих для личных надобностей.

20. Устройство рукомойников в каждом отделении фабрики.

21. Уничтожение вычетов за дома (Новая стройка), передача их в бесплатное пользование по одному семейству в каждом и выдача всецело без удержания процентов и тех денег за эти дома, что уплатили пользовавшиеся ими.

22. Полный ремонт спален: устройство отдельных комнат для каждого холостого рабочего и для каждого семейного.

23. Выдача квартирных денег холостому 3 рубля, женатому 5 рублей.

24. Времени на обед 2 часа, от 12 до 2-х ч., для всех рабочих.

25. Устройство новых клозетов для мужчин и женщин и наблюдение за их чистотой.

26. Уничтожение харчевой лавки.

27. Уничтожение черной книги.

28. Устройство вечерних курсов для рабочих и работниц.

29. Устройство библиотеки с книгами преимущественно по рабочему и экономическому вопросам, для чего употребить штрафные деньги за последние пятнадцать лет.

30. Запрещение пользоваться детским трудом до 16-ти летнего возраста.

31. Устройство школ для первоначального обучения детей при тех фабриках, где их нет. Устройство для детей столовой с выдачей горячего завтрака, вежливое обращение с ними.

32. Вежливое обращение с рабочими.

33. Отмена обысков, унижающих достоинство рабочих.

34. Устройство аптеки и больниц при тех фабриках, где их нет. Увеличение коек (Новая Мыза). Устройство отдельных приемных для мужчин и женщин. Посещение врачем больных рабочих и их семейств на дому. Внимательное и вежливое отношение врача к больным. Выдача лекарств в частных аптеках за счет фабрикантов, если не имеется в своей аптеке. Постоянное присутствие врача на приеме.

35. Устройство яслей для детей и отпуск женщин для кормления детей через каждые два часа на 15 минут.

36. Устройство артелей с кубами для артелей.

37. Устройство бань для мужчин и женщин, устройство прачечной.

38. Удаление мастеров: Арефьева, Кульман, Чиберова, Карпова, Фриденсона, Галкина, Гофштрестера; конторщиков: Щербакова, Морозова, управляющего Волкова; хожалых: Курносова, Тихарева, Леонова, Панкратова, подмастерья Баранчеева.

39. Выдача полной платы за время стачки.

40. Право свободно собираться для обсуждения своих нужд, право заключать союзы для отстаивания своих интересов.

41. Неприкосновенность депутатов.

42. Обратный прием на фабрику удаленных за политические дела.

Будем, товарищи, обсуждать эти требования под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, начнем борьбу с капиталистами и правительством и тем самым покажем товарищам других городов, что мы, рабочие г. Серпухова, не пасынки рабочей семьи, что мы не хотим быть рабами капиталистов и правительства, которому мы также пред'явим требования политического характера. Да здравствует всеобщая стачка! Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!

Издание Серпуховской группы Окружной Организации Московского Комитета РСДРП. Сентябрь 1905 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК РКП (б) „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД.

К 20-ТИЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ 1905 ГОДА

СТАТЬИ, ВОСПОМИНАНИЯ, ДОКУМЕНТЫ.—Труды Испартотдела при МК РКП(б). Сборник первый, под реекацией **С. Черноморднка.** 288 стр. В художественной обложке. Ц. 1 р. 50 к.

ИЗВЕСТИЯ МОСКОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ 1905 г.—Труды Испарта при МК РКП (б). 123 стр. 60 к.

РЫЖКОВ Н. А., СОКОЛОВ А.—О 1905 годе. Воспоминания. 59 стр. 60 к.

С. ЦВЕТКОВА.—На баррикадах. 1905 г. по воспоминаниям работницы 36 стр. 15 к.

1905 год. Сборник воспоминаний. Вып. 2-й.

Петербургский и Московский Совет рабочих Депутатов.

МИЛЮТИН.—Накануне революции.

1905 год в Москве. Вооруженное восстание.

ЧУДНОВЦЕВ.—1905 год на Яхромке. 64 стр.

СОКОЛИНСКИЙ.—Красная Пресня перед царским судом. 34 стр.

КОКУШКИН.—Две революции. Воспоминания участника. 72 стр.

Подполье (истории революционного движения в Сокольниках). Сборник, посвящеоный деятельности Сокольнической организации ОСДРП (б). 144 стр.

Крестьянство в революции 1905-6 г. $8^1/_2$ лист.

ПОПОВА.—1905 г. по уездам Моск. губ. 108 с.

„ —5-й год в Моск. губ. приб. 14 л.

„ —Пятый год в Москве. Сборник 3-й.

Жизнь, деятельность и смерть Баумана. Сборник.

Октябрьские дни. Изд. II.

Альбом. К 5-му году.

ЛЯДОВ.—1905 г.

5 плакатов к 20-тилетию 5 года.

ВЕРХОТУРСКИЙ.—1905 год. Мои воспоминания.

Правление Издательства и Торговый Сектор

Москва, Ленинская (Б. Дмитровка), 26, тел. 4-31-65; 3-13-09

Ленинградское Отделение Издательства

Ленинград, Проспект 25 Октября, тел. 2-28-56

Цена 65 коп.

Арношт, К.

Повернувшие штыки.

М. 1927.



